

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

АЗЗАМОВ ЮСУФЖОН РАДЖАБОЙ ЎҒЛИ

**СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНЫЙ СОСТАВ
В КОНСТРУКЦИИ “ОПРЕДЕЛЕНИЕ + СУБСТАНТИВ”
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.**

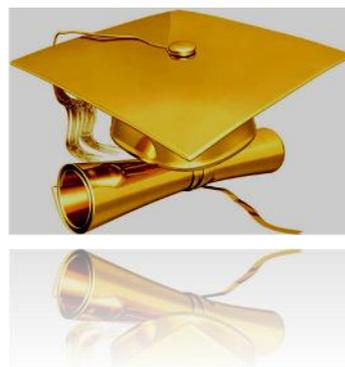
5А 220101 – Лингвистика (английский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на получение академической степени магистра

Научный руководитель:

Заслуженный деятель науки
Республики Узбекистан, д.ф.н.,
проф. Абдуазизов А.А.

Самарканд - 2013г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-ИМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	11
1.1. Предложно-субстантивная группа как объект именного синтаксического конструирования.....	11
1.2. Характеристика именной конструкции по валентности.....	14
1.3. Общие принципы интерпретации структурно семантической организации определительно-именных конструкций.....	17
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	21
ГЛАВА II. СИНТАКТИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-СУБСТАНТИВНЫХ ГРУПП	22
2.1. Принципы синтаксической сочетаемости компонентов в определительно-субстантивных группах	22
2.2. Определительно-субстантивные фразеологические единицы	27
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	52
ГЛАВА III. КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-СУБСТАНТИВНЫХ ГРУПП.....	54
3.1. Семантико-структурный состав определительно-субстантивных групп в контекстной реализации	54
3.2. Актуализация определительно-субстантивной группы в контексте диалога.....	59
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III	77
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	79
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	83
МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИНТЕРНЕТА.....	86
СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ.....	87
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	87

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в Республике Узбекистан вопрос об образовании и развитии науки приобретает исключительную важность. Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, говоря о роли науки при подготовке гармонично развитого молодого поколения, подчеркивает следующее: “В условиях современности нельзя говорить о прогрессе в отрыве от вопроса развития науки. Сегодня в целях развития находящихся в центре внимания научной общественности развитых государств самых передовых, перспективных научных исследований и изыскательских работ необходимо создать в системе Академии наук и высших учебных заведениях новые лаборатории, наладить их эффективное сотрудничество с ведущими зарубежными научными центрами. Само время диктует, чтобы данный вопрос рассматривался нами как один из наиболее актуальных”[1]. Это обращение касается также и развития филологических наук и свидетельствует о необходимости рассмотрения явлений языка и речи в связи с духовными национальными ценностями народа, его культурой, мировоззрением и ментальностью.

Структурно-функциональный подход к анализу грамматических явлений языка вполне себя оправдывает, так как в большинстве случаев лингвисту приходится иметь дело с грамматически неоднородными конструкциями, с наличием у одного и того же отрезка речи целого ряда не сводимых друг к другу грамматических значений. Целый ряд языковых явлений характеризуется развитием от конкретного и единичного к абстрактному и обобщенному. Это в частности, относится к различным образованиям, которые все чаще заменяют глагольные структуры в языке.

Настоящее исследование посвящено изучению номинативных механизмов формирования определительно-именных словосочетаний английского языка в плане выявления ономаσιологических моделей, лежащих в их основе, а также описанию семантических особенностей словосочетаний разных адъективно-субстантивных номинативных типов.

Для версификации результатов исследования, в частности, данных о семантических особенностях словосочетаний разной онтологической природы привлекался текстовый материал: тексты англоязычной прессы, а также произведения современной английской литературы. Кроме того, использовалась иллюстративная часть толковых и учебных словарей.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения механизмов сочетаемости как части общей проблемы динамики языковой системы в речевой деятельности с опорой на возможности прежде всего прилагательного и существительного.

Актуальность исследования обусловлена также необходимостью моделирования процессов порождения высказывания и выявления общих закономерностей формирования коммуникативной значимости высказывания, в котором регулярно реализуется адъективно-субстантивная семантика.

Актуальной представляется также типизация семантики устойчивых словосочетаний неидиоматического характера для последовательного разграничения языковых и речевых сверхсловных образований с целью более четкого определения границ и объема фразеологии – в том ее разделе где обнаруживается адъективно – субстантивные связи.

Степень изученности проблемы. В частности недостаточно полно освещены вопросы основных закономерностей сочетаемости существительных по широко распространенной модели “Существительное + существительное” (C1+ C2), “предлог + существительное”, “адъектив + существительное” и их различные комбинации, с особым вниманием к определительно-субстантивной семантике.

Семантический анализ субстантивных лексем проводился по Большому Оксфордскому словарю его приложениям (The Oxford English Dictionary, Vol.1-12-London, Oxford University Press, 1993. A Supplement to the Oxford English Dictionary, vol.1, 1972; vol.2, 1976; vol.3, 1982; vol.4, 1986) с привлечением других наиболее авторитетных толковых и учебных словарей

английского языка: The Random House Dictionary of the English Language, New York, corp. 1979 (the Anabridged ad.); Webster's New Dictionary of Synonyms, Springfield, Massachusette, cop. 1978; Longman New Universal Dictionary, Longman Group Ltd., 1982 и др.

Основная цель работы состоит в выявлении номинативных моделей формирования определительно-именных словосочетаний современного английского языка на основании рассмотрения особенностей их семантики как результата интеграции смыслов составляющих словосочетания элементов – имени прилагательных и существительных.

Поставленная цель обусловила **конкретные задачи** данного исследования:

– рассмотреть существующие подходы к анализу словосочетаний как речевых или языковых образований;

– определить семантические особенности и практические приемы изучения словосочетаний в зависимости от степени их семантической интеграции;

– выявить ономаσιологические модели формирования словосочетаний на основании изучения номинативных потенций определительного и именного компонентов; провести типизацию ономаσιологических моделей сочетаемости;

– изучить особенности семантики словосочетаний, представляющих разные типы ономаσιологических моделей, с учетом их денотативных, коннотативных и прагматических характеристик.

Исследовательский материал включал более 2000 определительно-именных словосочетаний, отобранных путем сплошной выборки из Краткого

Оксфордского словаря (The Concise Oxford Dictionary of Current English, 6th ed., Oxford, 1976); а также словарей Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, A.S.Hornby, Oxford-m., 1982, Longman Dictionary of Contemporary English, Longman Group., 1978. Использовались также

английские фразеологические словари и словари сочетаемости, а также толковые словари русского языка.

Объект и предмет исследования: семантика структурный состав в конструкции определения + субстантив в английском языке.

Материалом исследования послужили около 1000 примеров, выбранных из художественной литературы английских и американских авторов 20 века и собранных методом сплошной выборки. Материал исследования был отобран в соответствии с поставленной целью исследования: изучению подверглись свободные словосочетания, квазиустойчивые словосочетания, а также словосочетания, относящиеся к области фразеоматики. Такой состав материала исследования обусловлен прежде всего тем, что изучение номинативных механизмов словосочетаний наиболее эффективно при сопоставлении единиц разной степени устойчивости. Изучению подвергались также семантические структуры 400 субстантивных лексем, являющихся грамматически фразеобразующим компонентом анализируемых словосочетаний.

Методологическую базу исследования составляют постановления правительства Республики Узбекистан, Указы Президента Республики Узбекистан, труды Абдуазизова А.А., Адмони В.Г., Ашуровой Д.У., Бархударова Л.С., Бушуй А.М., Василевского А.А., Гальперина И.Р., Гулыги Е.В., Денисова Г.В., Звегинцева В.А., Колшанского Г.В., Кубряковой Е.С., Почепцова Г.Г., Смирницкого А.И., Шахматова А.А. и др.

Методы исследования. В работе применялись метод моделирования и метод компонентов анализа. При рассмотрении семантики словосочетаний использовался дефиниционный анализ, разработанный для исследования комплексивности сверхсловных языковых единиц.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Проблемы, связанные со словосочетанием в английском языке, в последнее время привлекают большое внимание исследователей однако эта область столь обширна и разнообразна, что все еще остается мало изученной.

2. Именные группы (или, по терминологии – атрибутивные словосочетания, присубстантивные сочетания, noun-clusters, noun-phasters, nominal junctions, nominal sequenses) – это синтаксические сочетания, занимающие в языке огромное место.

3. Исследование именных групп во всей их структурной совокупности, как единого целого, еще далеко от завершения, несмотря на то что ряд аспектов этих синтаксических сочетаний получил отражение в лингвистической литературе.

4. Изучение именных групп представляет не только теоретический интерес, но и практический, поскольку его результаты могут быть использованы как в методике преподавания английского языка, так и в переводческой работе.

Научная новизна исследования заключается в самом подходе к изучению определительно-именных словосочетаний разной степени устойчивости, в использовании приема фразеобразовательного моделирования при проведении их типизации по семантическому принципу. Новым является выведение моделей сочетаемости слов с учетом номинативной природы слов-компонентов словосочетания и описание семантических характеристик словосочетаний ономастических моделей.

Анализ системных и структурных свойств объектов стал в настоящее время одной из основных задач исследования языка на разных его уровнях. В этом плане совершенствуется описание живых фактов языка и их классификация, выделение межуровневых единиц, а отсюда познание свойств объекта и определение принципов его организации. Сочетание элементов структурного анализа с широким функциональным подходом к языку представляется в этой связи весьма перспективными.

Теоретическая значимость исследования определяется его важностью для дальнейшего развития теории номинации, углубления знаний о гносеологической и коммуникативной функции языка, а также выявления общих закономерностей когнитивной деятельности человека.

Теоретически важными являются проблемы семантического моделирования и рассмотрение динамических процессов в семантике.

Сочетание ономаσιологического и семасиологического подходов к языковым явлениям способствует, с одной стороны, вскрытию общих закономерностей функционирования языковой системы и, с другой стороны, выявлению функциональной специфики разных языков, что особенно важна в рамках изучения проблемы языка и мышления.

Практическая ценность работы обусловлена тем, что полученные в ходе исследования данные о закономерностях сложения смыслов при формировании словосочетаний типа N+N, Adj+N, N+Prep+N в английском языке могут использоваться в практике преподавания иностранного языка в ВУЗе на всех этапах обучения, поскольку анализ механизмов интеграции смысла словосочетания из его компонентов является средством прогнозирования и предупреждения ошибок, различиям номинативных механизмов разных языковых систем.

В процессе усвоения иностранного языка именно комбинирование языковых единиц с определенной коммуникативной целью вызывает наибольшее количество трудностей, так как требует знания специфики соположения языковых элементов, которая нередко не совпадает со спецификой сложения смыслов в родном языке.

Определение моделей формирования семантики словосочетаний позволяет также уточнить разграничение разных по природе и степени устойчивости словосочетаний, что имеет большое значение для семантизации их лексикографической трактовки.

Полученные данные об ономаσιологических моделях словосочетаний и особенностях их семантического развертывания могут быть также использованы в теоретических курсах лексикологии и общего языкознания, где в качестве объекта наблюдений привлекаются конструкции модели “определение + субстантив”. Причем учитываются и определительные функции субстантива (например, в модели N+N).

Полученные в ходе исследования **результаты** имеют определенную важность для последующего сопоставления номинативных механизмов разных языковых систем. Лингвистические исследования последних десятилетий, посвященные изучению синтаксической стороны языка, со всей очевидностью подтверждает плодотворность рассмотрения грамматической семантики с позиции теории языка.

Апробация работы. Исследования докладывались на ежегодных магистерских научно-теоретических конференциях СамГИИЯ 2011-2012г., 2012-2013г. Магистерская диссертация была обсуждена на заседаниях кафедры “Методики преподавания и практики английского языка” Самаркандского государственного института иностранных языков в апреле и мае месяцах 2013 г.

Опубликованность результатов. Результаты данного научного исследования освещены в 2 публикациях.

Структура и объём диссертации. Общий объём работы – 90 страниц. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, выводов по каждой главе, заключения, списка использованной научной литературы, списка литературных источников и сокращений. Работа изложена на 81 страницах компьютерного текста.

Во введении обоснованы выбор темы, её актуальность, научная новизна, определяются цели, задачи, теоретическая и практическая значимость работы, характеризуются источники и методы, формулируются положения, выносимые на защиту, указываются структура и объём диссертации.

В первой главе рассматриваются основы построения определительно-именных конструкций в современном английском языке.

Во второй главе выявляются принципы синтаксической сочетаемости компонентов в определительно-субстантивных группах и определительно-субстантивные фразеологические единицы.

Третья глава посвящена контекстуальному анализу определительно-субстантивных групп.

В заключении обобщаются результаты проведённого исследования.

ГЛАВА I

ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-ИМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Предложно-субстантивная группа как объект именного синтаксического конструирования

В современных индоевропейских языках наблюдается все большее увеличение количества субстантивных групп и их объема, свидетельствующее о вытеснении глагола именем и усилением роли последнего в языке [31, 80].

В этой связи особое значение привлекают различные “переходные случаи” языковые образования, тяготеющие к определенным грамматико-лексическим полям, не обладающие “комплектными” признаками аналитических форм.

Так, в лексико-грамматическом поле залоговое объединяются разнородные языковые элементы – морфологические, синтаксические, словообразовательные и лексические. Эти языковые единицы различны и по структурной организации, и по другим свойствам. Они обнаруживаются при рассмотрении микрополя пассива в вертикальной среде, по мере проникновения в глубь его. Элементы лексического и синтаксического уровней восполняют, дополняют, конкретизируют значение доминанты микрополя различных семантических групп.

Среди различных сочетаний слов с грамматической направленностью – конститuentов микрополя далеко не последнее место занимают относящиеся к его периферии предложно-именные сочетания типа – “under construction”, “in use” [48, 444].

Подобные предложно-именные сочетания (ПИС) так же как, и грамматический пассив могут выполнять семантическую функцию

пассивного участия субъекта в действии и являются синонимическим восполнением грамматической категории пассивного залога.

Установление структурно-качественных характеристик ПИС и характера их соотношения с пассивными формами коррелятивных глаголов имеет непосредственное отношение к таким проблемам, как отграничение свободных сочетаний от фразеологических единиц, синсемантия в синтаксисе и контекст, понятийные категории и языковые семантические функции как их непосредственное отражение, функционально-синонимическое восполнение грамматических категорий в системе глагола в лексико-грамматическом плане, глубинные и поверхностные структуры предложения и имплицитная предикативность, типология языков и языковые универсалии.

Многоплановость грамматического строя языка объясняется чрезвычайной сложностью языковых семантических функций, призванных отражать мыслительные категории.

Для обеспечения полноценного анализа ПИС пассивного значения представляется целесообразным использовать достижения традиционной грамматики наряду со структурными приемами грамматического анализа.

Параллельно с описательным методом – это еще и

1) метод компонентного анализа, суть которого сводится к выделению минимальных смысловых единиц, что обеспечивает урификацию формулировок единиц разных уровней при наиболее полном установлении объема их значения;

2) метод трансформационных преобразований структур для установления наличия в них пассивного значения;

3) метод дистрибуции, состоящий, как известно, в определенном окружении, в которых встречается элемент и дополняющий его сопроводитель.

Анализ ПИС с точки зрения их структуры и особенностей компонентов дает основание утверждать, что структурные и семантические особенности

ПИС взаимосвязаны. Это взаимообусловленность проявляется в том, что ПИС является языковыми единицами, построенными по единой структурно-семантической модели и выражающими неделимые понятия.

ПИС типа “under attack”, “un use”, “on loan” и т.д. восходят к локально-обстоятельственным структурам. Закономерными поэтому представляются валентностные связи этих ПИС с глаголом-связкой to be и с глаголами движения ослабленной семантики, выполняющими функции связки.

ПИС пассивного Значения занимают промежуточные положение между фразеологизмами и свободными сочетаниями предлога и имени существительного [11, 138].

Сходство ПИС с фразеологизмами состоит лишь в том, что ПС характеризуется фразеологизированным характером отношений их компонентов- предлога и имени.

Лексическая и грамматическая семантика ПИС и определенная структурно-семантическая модель, по которой они образуются, исключают их из состава фразеологических единиц.

Как показал анализ конкретного языкового материала, первый компонент ПИС может быть представлен одним из предлогов с узуально-связанным значением, второй – отглагольным существительным определенной семантики.

Наличие ограниченной структурно-семантической модели, по которой образуются ПИС пассивного значения, и относительно свободная лексическая наполняемость из компонентов их компонентов дают основание трактовать их как предложно-именные устойчивые сочетания.

Эталонном структур с ПИС служат структуры пассивных форм коррелятивных глаголов – ядра микрополя пассива в английском языке.

Основной сопоставления ПИС пассивного значения с грамматическим пассивом является общность реализуемого коммуникативного задания.

Рассматриваемые нами ПИС соотносятся с грамматическим пассивом как межаспектные синонимы.

Пассивное значение исследуемых ПИС раскрывается трансформационным анализом:

That was before he knew he was under sentence of death (CDBH, 334) – that was before he knew he was under sentenced of death.

For reasons beyond his comprehension, someone had taken his boat and cellar away (WSRW, 101) – for reasons which could not be comprehended...

Функциональное подобие синтаксических структур с ПИС пассивного значения и структур с пассивной формой глагола –сказуемого подтверждается также анализом словарных дефиниций: IN use – being used (TDJG, 165); Beyond (without past) compare; She is lovely beyond compare-so lovely that none can be compared to her (TDT, 176);

Beyond (all) praise: Your work is beyond all praise-so good that it cannot be praised enough (TDTF, 123); Under sentence of death-sentenced to death (PAP, 446); At sight as soon as(smb or smth) is seen (JSWOD, 208); Under(tutorshin) direction of-being led or captained by (PAP, 345).

Таким образом, использование ПИС пассивного значения как средства создания определительно-субстантивных ситуаций в структуре простого предложения является одним из доказательств роста значения именного компонента как средства выражения предикации и свидетельствует о развитии синтаксического строя английского языка по пути номинализации и создания различных субстантивных групп.

1.2. Характеристика именной конструкции по валентности

Словарное описание значения (например, определительно-именных словосочетаний английского языка) лингвистических единиц в известной степени приближается к компонентному анализу, так как позволяет выявить те элементарные значения, которые отличают данный язык [19, 156].

При этом важно учитывать синтаксическую валентность предложно-именного сочетания (ПИС) пассивного значения. В качестве исходного используется принятое в лингвистике определение синтаксической валентности как потенциальной сочетаемости языковых элементов [17, 9].

Анализ синтаксической валентности ПИС проводится на уровне предложения и его членов. Как известно, содержательная сторона сочетания выявляются его синтаксическими связями с другими элементами предложения. Употребление ПИС сводится к ограниченному числу случаев, которые представлены в виде дистрибутивных моделей. На этом основании делается вывод о том, что ПИС может функционировать в качестве:

1) предикатива (V aux NP) – Even Maud as beyond praise (JSGW, 397);

2) определения (N (Pr) NP; NP N) – The young man awere of thought beyond his peach, got up (JLH, 100); As one might gaze at some coveted but out – of a reach fruit (EBWH, 123);

3) различных обстоятельств (V not NP; NP V not; Adv NP) – On demand. Old Butter confessed at once (TDTF, 455); ... the general public fed upstairs out the reach of a partisan (EHFA, 122);

4) вводного члена предложения (S NP) – they would die together, perhaps in the moment of victory – without doubt there would be a victory (CDHT, 321).

Структуры с ПИС пассивного значения являются результатом трансформации номинализации структур с пассивными формами коррелятивных глаголов [14, 38-39].

Предложения со структурами ПИС и предложения со структурами пассивных форм коррелятивных глаголов соотносятся как глубинные и поверхностные.

Глаголы, употребляющиеся в пассивном залоге, трансформируются в отглагольные существительные, которые образуются путем конверсии, аффиксальной или обратной деривации [29, 88].

При употреблении ПИС в функции предикатива наблюдается минимальное удаление между уровнями глубинных и поверхностных структур.

Максимальное удаление между уровнем глубинных структур и уровнем поверхностных структур наблюдается при употреблении ПИС в функциях второстепенных членов предложения вместо соответствующих придаточных предложений [23, 299].

В зависимости от глагола – связки, с которым кооперируют предложные сочетания, и характера лексического наполнения их компонентов предикативно употребляющиеся ПИС могут выражать:

1) дуративность (продолжительность) – *the following have been published to date... Others are in preparation (ASKD, 308). /are/ in preparation –/are/being prepared. The question is still under discussion (WSRW, 108); /is/ under discussion – /is/ being discussed;*

2) качественное состояние – *There were no lives to be saved and the ship herself was beyond help (TDJG, 24); beyond help – helpless; инхоативный – начинающийся характер действия – They should come under the rule of a people whose wisdom virtue and religion were to change them from barbarians (TDT, 232);*

3) перфективность (действие современного вида) – *there is a significant curt gap in the evidence, which suggests that they may have dropped out of use (JSWOD, 65).*

Таким образом, ПИС пассивного Значения являются функционально-синонимическим восполнением категории залога в лексико-грамматическом плане.

Полной тождественности между структурами с ПИС пассивного значения и структурами с пассивной формой коррелятивного глагола – сказуемого не наблюдается. Синтаксические, семантические, лексические и стилистические различия указанных структур проявляются, прежде всего, в их различных структурно-семантических моделях.

Использование ПИС пассивного значения как средства создания предикативных ситуаций в структуре предложения является одним из убедительных свидетельств роста значения именного (определяющего и определяемого) компонента как средства выражения предикации и свидетельствует о развитии синтаксического строя английского языка по путиноминализации [16, 111].

1.3. Общие принципы интерпретации структурно семантической организации определительно-именной конструкций

Общие интерпретации структурно-семантической организации определительно-именных конструкций. Среди количественных определительно-именных словосочетаний выделяются своей продуктивностью конструкции с предлогом “of”. Они представляют собой устойчивую структуру, связанную с обобщенным значением количественности [24, 117].

Данная структура может быть представлена в виде модели определенных семантико-синтаксических отношений. Она имеет постоянное значение при переменном лексическом заполнении. При таком понимании модель – это не абстрактная схема, привнесенная извне, а структура, выделяемая в живой ткани языка.

Выделение моделей в различных областях языкознания и даже в поэтике и художественной литературе не противоречит природе языка, используемых в разных сферах общения. Оно не означает игнорирования коммуникативной природы языка, ибо если мы говорим о теоретико-множественной модели языка, то эта модель всегда будет для нас моделью человеческого общения, моделью коммуникативной. Такая модель называется “количественно-субстанциональной моделью”, значения которой включает компоненты количества и субстанции.

Речевая реализация квантитативной модели существительное + предлог of + существительное (N1+of+N2) показывает, что при инвариантности ее основного, структурного значения, при его постоянности лексическое значение вариативно.

Структурное описание языковых объектов и явлений представляет собой из способов реализации языковых объектов и явлений, т.е. один из способов их формализации и схематизации.

Лексическое заполнение модели придает ей конкретное содержание, делает ее коммуникативной [33,158-160].

И наоборот, множество реальных языковых объектов и явлений дает возможность отобразить и заместить их в виде определенной формальной схемы.

В этой связи отличается такая особенность взаимодействия абстрактного и конкретного: Закономерная связь постоянных элементов предложения – это его модель. Модель предложения есть остаток после вычета из предложения его переменных или индивидуальных элементов.

Эта зависимость не носит произвольного характера. Модель определенным образом соответствует языковому объекту. Другое дело, что одному и тому же объекту может соответствовать несколько моделей, так как каждая из них может передавать определенную точку зрения исследователя, определенный подход.

Именная модель квантитативного типа N1+of+N2 имеет следующие реальные лексические заполнения: a scarp of understandings piece of luck, a pack of cards, a handfull of houses и т.д. в этой модели N2 может быть исчисляемым или неисчисляемым существительным, может обозначать эмоции или вещество, предметы, явления или живые существа N1–компонент количества.

При этом семантика существительного представляет собой компонент количества. Семантически он весьма разнообразен. Здесь наблюдается следующая закономерность: Способ синтаксической связи между членами

словосочетания посредством предлога “of”, принадлежность центра словосочетания к имени существительному, принадлежность периферийного члена модели также к имени существительному предопределяет в отдельных случаях семантику существительного-центра словосочетания, придавая ему значение квантитативности даже в тех случаях, когда оно не обладает таким значением в словаре.

Иными словами, одинаковое структурно-семантическое построение словосочетаний “наделяет” существительное в позиции квантификатора до некоторой степени одинаковым значением квантитативности. Модель как бы накладывает обобщенное значение квантитативности на все случаи реального словоупотребления конкретных существительных в позиции Ш, не обладающих словарным значением или компонентом значения квантитативности. Сопоставим, например такие примеры: *a packet of aspirins* – *a flash of satisfaction* – *a blast of hate* – *a nerve of cruelty*.

В подобных именных сочетаниях объем значений квантитативности весьма различный. В одних словосочетаниях он достаточно большой, в других – маленький, в третьих актуализируется только в результате обобщенности значения самой модели. В английском языке отмечаются также примеры именных квантитативных словосочетаний, в которых существительное взятое за пределами модели совершенно не обладает значением квантитативности и определительности. И только обобщенное значение самой модели накладывает на него такое значение, в нем имплицитно сема квантитативности. Например: *a lot of boys*, *a futility of husbands* и т.п. Хотя существительное может обозначать либо количество, либо качество и модель реализует либо тот компонент, либо другой, при выражении качества в нем имплицитно сема квантитативности. Иногда она реализуется только за счет неопределенного артикля, т.е. в системе актуализируется одно из качеств.

Семантика существительных, эксплицитно выражающих количество, довольно разнообразная и в том числе и метафорическая, когда в качестве

обозначения меры используются названия явлений природы flood, rain, sandstorm, sea, stream, overflow, jungle.

В других случаях обозначением меры служат, названия емкостей (cup, glass, mug, tumbler), предметов (box, bag, truckload, plateful), единиц измерения (inch, ounce, foot, yard, gallon), совокупности лиц (gang, horde, band, phalanx), совокупности предметов (bundle, heap, pack, batch), обозначения степени, силы длительности интенсивности эмоционального состояния человека (trace, nicker, snatch, spread, flecker, shade).

Выделение моделей в различных областях языкознания и даже в поэтике и художественной литературе не противоречит природе языка, используемых в разных сферах общения. Оно не означает игнорирования коммуникативной природы языка, ибо если мы говорим о теоретико-множественной модели языка, то эта модель всегда будет для нас моделью человеческого общения, моделью коммуникативной. Такая модель называется “квантитативно-субстанциональной моделью”, значения которой включает компоненты количества и субстанции.

Выводы по главе I

В определительно-именных квантитативных словосочетаниях употребляется в позиции N2 собирательные существительные. При этом собирательные существительные подразделяются на три группы:

1) Существительные, употребляемые только в единственном числе и обозначающие группы людей или вещей, воспроизводимых в качестве цельного объекта (*machinary, foliage*);

2) Существительные, имеющие форму единственного числа, а значение – множественного (*people*);

3) Существительные, употребляющиеся как в единственном, так и во множественном числе (*family, crowd, nation*);

К подобным групповым существительным следует отнести существительные, обозначающие группу людей или некоторое количество предметов, не являющихся собирательными (*a group of students, a number of cars*).

Другую группу существительных составляет обозначение эмоционально-психологических состояний персонажей (*jealousy, shrewdness, repulsion*). Тем не менее, в общении существует прагматическая задача показать интенсивность, силу и глубину, т.е. “объем” эмоционально-психологического состояния, как бы его меру. Поэтому для обозначения семантики квантитативности используются, с одной стороны, существительные, в которых актуализируется до некоторой степени сема количества.

С другой стороны в определительно-именных сочетаниях квантитативного типа используются существительные, в которых сема количества имплицитно только в силу наложения на значение существительного обобщенного значения.

ГЛАВА II.

СИНТАКТИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-СУБСТАНТИВНЫХ ГРУПП

2.1. Принципы синтаксической сочетаемости компонентов в определятельно-субстантивных группах

Словосочетание представляет собой синтаксическое и структурно-смысловое единство в составе предложения. Оно образуется на основе синтаксической сочетаемости слов, т.е. их способности соединяться друг с другом. Объединяясь, слова характеризуются определенными отношениями, которые необходимо учитывать при дистрибутивном анализе [37, 184].

Дистрибуция и валентность – понятия взаимосвязанные, но не тождественные. Они взаимосвязаны в том плане, что оба характеризуют отношения окружения элемента в синтагматической цепи. Основное их различие заключается в том, что валентность дает качественную характеристику языковой единице, детерминируя ее комбинаторную способность, а дистрибуция – это совокупность всех присущих данному элементу окружений.

Синтаксическая валентность в данной работе рассматривается в составе свободных словосочетаний типа N1 of N2, поэтому при определении валентности учитываются сочетательные возможности существительного. Под синтаксической сочетаемостью, или валентностью, понимается потенциальная способность существительного к соединению с единицами того же класса или других классов.

Потенциальная валентность свойственна слову как единице языка, реализованная валентность присуща слову как единице речи.

Слова как единица языка обладают целым рядом потенциальных валентностей. В качестве примера рассмотрим определенные потенциальные валентности существительного “house”:

The brick house, the big house, the house of Mr.Brown, the house built the house to build, Mr.Brown's house, но в конкретном речевом акте реализуются не все присущие слову валентности, а только некоторые из них, обычно одна или две: The house of Mr.Brown, the brick house in our street.

Валентность слова определяется его лексико-грамматическими особенностями (лексическое значение, общее категориальное значение, грамматическая форма и т.д.). Словосочетание образуется по определенной модели с определенным в лексическом отношении кругом слов, т.е. оно представляет собой диалектическое единство коллигации и колликаций [30, 48].

В словосочетании исследуемого типа обнаруживается сложное переплетение и взаимодействие морфосинтаксических и лексико-фразеологических факторов. В нем отчетливо выступают две стороны характеризующие словосочетание как синтаксическое построение. В плане грамматическом, т.е. морфосинтаксическом, при построении словосочетания учитываются правила сочетания слов данных классов и порядок расположения компонентов N1N N2 объединенных предложной связью. В плане лексико-фразеологическом учитывается специфическая валентность данного класса слов.

Вопрос о соотношении морфосинтаксической и лексико-фразеологической сочетаемости тесно связан с вопросом обязательности и факультативности в синтаксическом построении.

Исключительно плодотворным оказалось решение ряда важных вопросов структуры словосочетания и предложения в связи с разработкой проблемы синтаксического окружения в аспекте его конструктивной значимости.

Анализ обязательной и факультативной сочетаемости конститuentов сочетания целесообразно проводить на уровне предложения, так как валентность различных классов слов находится в тесном взаимодействии со структурной и содержанием всего предложения в целом. Следовательно, при

исследовании обязанности / факультативности элементов синтаксической конструкции учитывались не только дистрибутивные свойства данного класса или подкласса слов, но и особенности всего синтаксического построения высказывания [35, 33].

Так, предложение *He drank a cup of tea* не может быть редуцировано до *He drank*, так как объектная направленность глагола *to drink* требует обязательного дополнения; *He drank a cup of tea* или *He drank tea*.

Введение в предложение элемента сочетания “cup” требует обязательного присутствия “of tea”, так как зависимый компонент является здесь конструктивно значимым.

Обязательная сочетаемость рассматривается в работе как лексико-грамматическое свойство слова. Грамматический характер проявляется в типе синтаксических отношений и в регулярном характере встречаемости компонентов на уровне классов слов, а лексический – в лексической заполняемости модели субстантивного словосочетания.

Анализ дистрибутивных свойств конститuentов исследуемой конструкции дал основание выделить в составе так называемых синтаксически свободных сочетаний две разновидности: словосочетания с обязательно-дистрибутивной связью компонентов и словосочетания с факультативной связью компонентов.

Если структурно-семантическое распространение ведущего компонента в модели *N1 of N2* является обязательным, то речь идет об обязательной сочетаемости ведущего компонента. Если структурно семантическое распространение ведущего компонента является необязательным, то отношения между компонентами характеризуются факультативной сочетаемостью.

Среди субстантивных словосочетаний модели *N1 of N2* с обязательно-дистрибутивными отношениями следует разграничивать два вида: конструкции, в которых обязательная сочетаемость компонентов является результатом фразеологизации сочетания и конструкции, в которых

обязательное употребление зависимого компонента определяется морфосинтаксическими и лексическими факторами.

Обязательная сочетаемость компонентов свободных словосочетаний обуславливается лексико-грамматической природой ведущего компонента и проявляется в условиях синтагматической цепи. Одним из основных факторов обязательной сочетаемости является семантика-синтаксическая направленность лексических единиц, их неспособность самостоятельно образовывать завершённую конструкции, например: *a bundle of newspaper, a bundle of nerves, a lady of quality, a man of fifty*).

Обязательная сочетаемость компонентов модели N1 of N2 характерна для таких словосочетаний, в которых зависимые компоненты являются конструктивно значимыми конструктивно необходимыми. Без них синтаксическая конструкция N1 of N2, частью которой они являются, будет лишена структурной завершенности. Следовательно, сочетаемость в этой синтаксической модели является конструктивно-обусловленной (или структурно-обусловленной). Она характеризуется тем, что проявляется только в определенных синтаксических конструкциях и непосредственно не предопределяется ни грамматической формой слова, ни его индивидуальным лексическим значением как таковым, хотя, безусловно, общая семантическая направленность слова релевантна для синтаксической сочетаемости.

Известно, что существительные имеют различную степень смысловой полноты и это обстоятельство оказывается одним из существенных факторов обязательной сочетаемости существительного N1.

Проанализируем синтаксические связи в двух примерах: *He took a bunch of keys out of his pocket* (JLH, 39) и *... on the large table covered with a tablecloth of green velveteen was a type-writer* (JSGW, 317).

В первом сочетании ведущий компонент характеризуется определенной семантико-синтаксической направленностью. Он оказывается коммуникативно (информативно) “пустым”, если при нем не будет управляемого или и дополняющего его второго компонента, т.е. он

нуждается для полноты и точности передаваемого или значения в обязательном присоединении к нему постпозитивного существительного с предлогом of: a bunch of keys.

Во втором сочетании в роли ведущего компонента выступает существительное, которое не требует обязательного наличия зависимого компонента. Семантически автономное и без зависимого члена, оно не требует непременно распространения, хотя его присутствие не исключается. Зависимые компоненты в таких случаях являются факультативными элементами окружения.

При факультативной сочетаемости употребление зависимого также детерминируется семантикой существительного, но потенциальная сочетаемость последнего характеризуется не обязательной реализацией, а только возможной.

Словосочетания с обязательно-дистрибутивными отношениями компонентов представляют собой тесно спаянные структурно-грамматические и лексико-семантические единства.

Двухвершинные фразеологические единицы, идиомы и сочетания, входящие в состав пословиц и поговорок модели N1 of N2 (the king of day, the cock of the walk, jack of all trades), характеризуются замкнутой обязательностью, раз и навсегда зафиксированной во фразеологической единице – закрытом единстве, воспроизводимая в данной форме [34, 248].

Структурная обусловленность зависимого компонента в одновершинных предложно-именных группах модели PN1 (on account of, by means of, by way of, in face of и т.д.) и глагольно-субстантивных фразеологических единицах модели VN1 of (to catch sight of, to take hold of, to take notes of, to make use of и др.) находится на стыке лексического и грамматического. Эта незамкнутая обязательность, т.к. она проявляется каждый раз при реализации фразеологической единицы в речи.

Особенно важным здесь представляет определение структурно-семантических особенностей словосочетаний с обязательно-дистрибутивной связью компонентов и семантической классификации этих словосочетаний.

Для организации внутренней структуры словосочетания типа N1 of N2 используются такие средства синтаксической связи: предлог *of*, порядок слов, интонация.

При рассмотрении структурных характеристик оформления модели N1 of N2 особого внимания заслуживает употребление артикля с ведущим и зависимым компонентами сочетаний, т.к. оба компонента – существительные, а артикль является категориальным показателем данной части речи.

Употребление нулевого, определенного и неопределенного артиклей с компонентами словосочетания в ряде случаев обусловлено особенностями самой структурной модели N1 of N2. Существительное N1 вследствие положения в конструкции, конкретизируется и сужается в своем значении и поэтому чаще сочетается с определенным артиклем (58.84%).

2.2. Определительно-субстантивные фразеологические единицы

Константная зависимость компонентов является наиболее распространенным типом зависимости среди субстантивных ФЕ.

Примерами субстантивных ФЕ с этим типом зависимости могут служить следующие обороты: *the ace of trumps* “главный козырь”, “самый веский довод”; *the black Maria* “тюремная карета”, “тюремный автомобиль”; *crocodile tears* “крокодиловы слезы” (выражение основано на старом поверье, что крокодил проливает слезы, прежде чем съесть свою жертву); *a rough diamond*, “неотшлифованный алмаз”; “грубоватый, но хороший человек”.

Полная константность компонентов отнюдь не является обязательным признаком ФЕ. В случае появления варианта константная зависимость может перейти в константно-вариантную. Фразеологические варианты

тождественны по качеству и количеству значений, а также по стилистическим и синтаксическим функциям [51].

Если у ФЕ частично подменяемыми компонентами имеется одинаковое число значений, но они не полностью совпадают, отличаясь оттенком, образностью, стилистической направленностью, то образуются структурные синонимы. При несовпадении числа значений при частично различном лексическом составе, при различной образной основе даже при наличии общего значения, говорить о фразеологической вариантности или о структурной синонимии не представляется возможным. Подобные обороты следует рассматривать как самостоятельные ФЕ. Фразеологические синонимы возникли независимо друг от друга.

Лексическими вариантами называются разновидности ФЕ, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе [15, 41].

В лексических вариантах могут заменяться существительные, прилагательные, предлоги.

1. При замене существительного может возникать структурная синонимия. Примером стилистических структурных синонимов могут служить разговорные обороты: *A bit of muslin, a bit of stuff*. *A bit of muslin*-старомодный фамильярный оборот. *That was a pretty a bit of muslin hanging on your arm- who was she?* (JLH, 111). Вы шли под руку с хорошенькой девчонкой. Кто она? *a bit of stuff* является грубоватым оборотом. *A pretty girl of eighteen or so wandered past them. "Nice little a bit of stuff, that!" Tom remarked reflectively* (ASKD, 76). Хорошенькая девушка лет восемнадцати прошла мимо них. "Недурная девка", – заметил Том задумчиво.

2. Взаимозаменяемые прилагательные: *a closed (или sealed) book*:

"To this and similar critics" the fundamental interests of working class are *a closed book* (CDBH, 909).

Good-bye, Lord John. Science is, as I understand, *a sealed book* to you... (WSRW, 35).

К ФЕ с константно-вариантной зависимостью компонентов относятся также позиционные варианты типа *a round peg in a square hole = a square peg in a round hole* “человек не на своем месте”.

Most people...lead the lives that circumstances have thrust upon them... though some repine looking upon themselves *as round pegs in square holes*... (CDHT, 39).

This presence suddenly brings out the fact that they are unhappy men, ill at ease, *square pegs in round holes*, while he flourishes like primrose (EBWH, 76). Взаимозаменяемые прилагательные могут быть синонимами: *odd* (или *queer*) *fish* “человек со странностями”, “чудаковый человек”, “чудак”:

Steerforth, dismissing the subject with a light nod... lot he had always been *an odd fish*, inquired if I cared to give him anything to eat?

Queer fish – eh? Mrs. Anthony's father... Wonder if he has all his wits about him (WSRW, 100).

3. При замене прилагательного может возникать структурная синонимия. Отношение между структурными синонимами может осложняться как семантическими различиями, так и сочетаемостью, примером такой сложной структурной синонимии может служить ФЕ *a good deal* (или *a great deal*).

A great deal означает большое количество, а также большую степень действия или качества, чем *a good deal*. Это видно из следующих примеров, иллюстрирующих сначала субстантивные ФЕ, а затем – адвербиальные.

It would require time, yes, and patience too, *a great deal* of patience (EHFA, 56).

1. Замена определения, выраженного существительным в родительном падеже, адъективным определением или постпозитивным предложно-именным определением. *Procrustes' bed – the Procrustean bed = the bed ofprocrustes:*

It became *the Procrustes' bed* on which the faith and hope of the nation were offered up (TDJG, 88).

To ... tie them down to their own *Procrustean bed* (JSWOD, 24).

It is sad to believe them on the bed of Procrustes, but they are not as pitiable mutilated as would at first appear (EBWH, 70).

2. Замена препозитивного адъективного определения постпозитивным предложно-именным:

A stony heart = a heart of stone “каменное сердце”;

A Sisyphean labour = a labour of Sisyphus

Do we only see there in humanity condemned to an aimless *Sisyphean labour* (JSGW, 34)?

Sisyphism: Unceasing and fruitless *labour* like that of *Sisyphus* (JSWOD, 49).

The Promised Land – the land of promise:

But to think that *the Promised Land* is all here, we would like to temper optimism with realism and to underscore how much still remains to be done to bring into being a “New Reconstruction” (CDHT, 39).

Hornby (with a little smile): Well, are you enjoying *the land of promise* as much as you said I should?

Norah: We have both made our bed and we must lie in it (ASKD, 76).

Подобные варианты могут осложняться вариацией числа имени существительного. *A Herculean labour – Herculean labours = a labour of Hercules – labours of Hercules:*

Happily, no matter how light the task that is demanded from us, it is enough if we do it, we reap our reward, much as though it were *a Herculean labour*.

Другими примерами являются: *the voice of one crying in the wilderness*

= *a voice crying out in the wilderness = a voice crying in the wilderness – a voice in the wilderness; Prince Albert coat = Prince Albert* амер. “длиннополый сюртук” (такой сюртук носил посетивший в 1860 г. США принц Альберт,

супруг королевы Виктории). *Вариантность субстантивных фразеологических единиц и вариантность сложных существительных*

При сравнении вариантности субстантивных ФЕ и вариантности сложных существительных выявляется, что элементы различия явно преобладают над элементами сходства [40, 27].

ФЕ с константно-переменной зависимостью компонентов допускают включение в свой состав переменных компонентов, но не имеют, ни вариантов, ни структурных синонимов. К таким оборотам относятся ФЕ, компонентами которых являются местоимения *one* (или *one's*), *somebody* (или *somebody's*) и *something*.

Среди подобных оборотов выделяется группа ФЕ, первым компонентом которых является местоимение *one's*.

One's cup of tea “тот, кто нравится”; то, что нравится”:

I don't really think – Dick is quite *my cup of tea* (JSGW, 34).

Got anything for me to read?” I said, “What's that?”

Oh, I don't think that's *your cup of tea*, he said”.

It's poetry.” (CDHT, 39).

В некоторых субстантивных ФЕ переменное местоимение занимает срединное положение.

A handle to one's name “приложение к фамилии” “титул”, “звание”:

In eyes of a British jury, the character of a fast young lady, and the character of the same young lady publicly engaged to a Member of Parliament, with wealth and *a handle to his name* would not be at all the same thing (TDJG, 88).

Аналогичными примерами являются обороты: *the apple of one's eye* “зеница ока”; *the architect of one's own fortune* “кузнец своего счастья”; *a bee in one's bonnet* “навязчивая идея”, “мания”, “конек”, “пункт помешательства”, “пунктик”; *a cup on one's shoulder* амер. “проявление заносчивости, желания подрасться”.

Среди определительно-субстантивных ФЕ различаются обороты с полностью переосмысленными компонентами и с частично переосмысленными компонентами.

Целостное значение – это вид фразеологического значения замкнутых ФЕ с полностью переосмысленными компонентами.

Идиома – это ФЕ с целостным значением.

Таким образом, субстантивные ФЕ с константной зависимостью компонентов относятся к классу идиом. Примерами субстантивных идиом могут служить: *a back number* “отсталый человек”, “ретроград” (букв. “старый номер газеты, журнала”); *a break in the clouds* “луч надежды” (бу/св. “просвет среди туч”); *a bull in a china shop* “слон в посудной лавке” (о неловком, неуклюжем человеке); *the lay of the land* “положение дел”, “положение вещей” (букв. “характер берега”); *touch and go* “критическое, опасное положение, когда пустяк может оказаться решающим”; *ups and downs* “превратности судьбы”; “взлеты и падения” и др.

Кроме целостного и разделительно-целостного значений, субстантивным ФЕ свойственно также однолитеральное значение, которое является разновидностью частично переосмысленного значения.

Примерами подобных ОФ могут служить обороты: *angel's visits* книжн. “редкие, но приятные визиты”; *apple-pie order* “абсолютный порядок”; *captain of industry* “промышленный магнат”; *A change of heart* “измененные намерения; *cupboard love* “корыстная любовь”; *a rack of lies* “сплошная ложь” и др.

В некоторых ОФ возможна вариантность того или иного компонента: *silent* (или *sleeping*) *partner* “номинальный компаньон фирмы”; *Dutch comfort* (или *consolation*) и др.

Таким образом, субстантивным ОФ свойственны два типа зависимости компонентов: константная зависимость и константно-вариантная зависимостью.

Метафорическое переосмысление переменных словосочетаний – один из важнейших источников обогащения фразеологии любого языка, в том числе и английского.

Традиционные метафоры основаны на различных видах сходства. Сходство положения: *babes* (или *children*) *in the wood* “сущие младенцы”, “простаки”, “простодушные, доверчивые люди” (выражение взято из старой баллады); позднее также *a babe in the wood*; *a fish out of water* “рыба без воды”, “человек не в своей стихии”; сходства возраста: *babes and sucklings* “новички”, “совершенно неопытные люди” (ср. “молоко на губах не обсохло”); сходства цвета: *pea - soup fog* “желтый лондонский туман”; сходства поведения: *a dog in the manger* сходства вкусовых ощущений: *gall and wormwood*.

Очень часто сходства основано на различных свойствах предметов, животных, насекомых и т.д., рассматриваемых как их главный признак. Свойство быть жестким; *a hard или tough nut to crack* “крепкий орешек”, “не по зубам”; указание на приближение конца чего-либо: *the last straw, a nail in one's coffin* “что-либо ускоряющее смерть, гибель кого-либо”, “смерти подобно”; устрашающий характер чего-либо: *a lion in the path или in the way* “страшное препятствие” (часто иронически о воображаемом препятствии); то, чем можно гордиться: *a feather in one's cap* и др.

Значительное число субстантивных фразеологизмов обозначает людей, обладающих самыми различными качествами, и отношения между людьми. Приводимые ниже примеры дают об этом представление.

Добрый, заботящийся о других человек: *guardian angel* “ангел-хранитель”; *the good Samaritan* библ. “добрый самаритянин”; мужественный, отважный человек: *a heart of oak*; надежный человек, надежная опора: *a tower of strength*; праведный, честный судья: *a Daniel come to judgement* (в современном языке часто употребляется иронически); живучий человек: *a cat with nine lives*; болтун: *a bag of wind* или *wind bag*; избалованный человек:

Mamma's darling “маменькин сынок” “маменькина дочка”; Бюрократ: *a Jack in office* и т.д.

Различные качества и чувства людей также находят свое отражение в субстантивных ФЕ. Упоение собственным положением, высокомерие: *pride of place*; лицемерие, притворство: *a window dressing*; жизнерадостность, бодрость: *animal spirits*; жадность к деньгам, склонность брать взятки: *an itching palm* (Julius Caesar); манерность, жеманство: *airs and graces*; порочные склонности: *the world, the flesh and the devil*; суровость, непреклонность, прикрываемая любезностью: *an iron hand in a velvet glove*.

Можно выделить группы субстантивных ФЕ, обозначающих самые разнообразные понятия:

1) Еда, питье: *Adam's ale* (или *шотл. wine*) шутл. “вино Адама”, “вода”; *bloody Mary* “кровавая Мэри” (виски с томатным соусом); *bubble and squeak* “жареное мясо с капустой”; *a hot dog* амер. “бутерброд с горячей сосиской”; *the pope's eye* “жирная часть бараньей ноги”; *toad in a (или the) hole* “бифштекс, запеченный в тесте”;

2) Деньги: *the Mammon of unrighteousness*; *the sinews of war, the ways and means* “денежные средства”;

3) Погода: *a fine day for the (young) ducks* разг. (тж. *fine* или *great weather for ducks*) *шутл.* “неплохой день для утят (уток)” (дождливый день); *Indian (или St. Martin's) summer* “золотая осень”;

4) Явления природы: *the merry dancers* “северное сияние”; *Skipper's daughters* “высокие вольны с белыми гребнями”;

5) Животные, птицы, рыбы: *denizens of the deep* “глубоководные” (о рыбах, раках и т.п.); *the king of the sea шутл.* “морской царь” (селедка);

6) Другими семантическими группами являются: земные блага: *creature comforts*; *loaves and fishes*; возраст: *the awkward age* “переходной возраст”; *a green old age* “счастливая старость”; языковые особенности : *the King's* (или *Queen's*) *English* “литературный английский язык”; *sandal-wood English* “английский жаргон островов в Океании” [52].

Субстантивные ФЕ в своем большинстве являются однозначными оборотами. Однако некоторые субстантивные фразеологизмы обладают двумя значениями. Например:

Devil's advocate –

1) “адвокат дьявола” (духовное лицо, которому поручается выступить с возражениями на канонизации святого в Ватикане);

2) “человек, замечающий в других только дурные стороны, недостатки”, “критикан”. *Flesh and blood*;

3) “плоть и кровь”, “человеческая природа”, “человек”, “живые люди”: It is proverbial that there are certain things which *flesh and blood* cannot bear...(ASKD, 38);

4) “органическая часть”, “плоть от плоти”, “кровь от крови” (*тж. flesh and bone*): For this country is no “exception”, it is *flesh and blood* of the world capitalists system's laws of growth and decline (TDJG, 98) *one's* (или *one's own*) *flesh and blood*

5) “собственная плоть и кровь”, “плоть от плоти своей”, “родное детище”, “свои дети”: And your own *flesh and blood* might come to want too, might they, for anything you cared? Oh, you precious old flint! (Ch. Dickens);

6) “люди, близкие по духу”, “одного поля ягода”: He bought a cigar, and went outside on the corner where other individuals were lounging... *his own flesh and* (TDT, 63). Некоторые ФЕ могут относиться как к людям, так и к предметам: a broken reed “ненадежный человек”, “непрочная вещь”.

Комплексный подход к изучению сложных и многомерных объектов, какими являются ФЕ любого языка, не только не противоречит анализу отдельных их сторон, но предполагает его в целях дальнейшего определения закономерностей синтеза свойств ФЕ для более углубленного познания их сущности. В этой связи изучение структурно-грамматических свойств фразеологических образований является одним из возможных, но отнюдь не единственным аспектом рассмотрения проблемы ФЕ [6, 22].

Полностью отдавая себе отчет в том, что грамматический аспект не является ни главным, ни специфическим для фразеологии, мы считаем в то же время, что изучение ФЕ в этом аспекте должно способствовать определению объекта фразеологии как лингвистической дисциплины.

Цель данного сопоставления состоит в выявлении общего и различного в морфологической характеристике имени существительного и субстантивных ФЕ в современном английском языке [4, 6].

Сама постановка проблемы требует, однако, некоторых уточнений. Если для морфологии в слове *ship* важным является то, что оно, обладая общим значением предметности, имеет грамматические категории числа и падежа (*ship: ships; ship: ship's; ships: ships'*), сочетается в силу присущего ему грамматического значения со словами, выражающими признак, как то – прилагательными, адъективными местоимениями, причастиями, а также с инфинитивом, наречием, другими существительными, а из служебных слов – с предлогом и артиклями, то о “морфологических” свойствах субстантивных ФЕ *new wine in old bottles* “новое вино в старых мехах” (т.е. новое содержание в старой форме); *Jim Crow* “расизм, расовая дискриминация”; *cakes and ale* “веселье”; *give and take* – “взаимные уступки”; *Augean stable*

(или *stables*) “авгиевы конюшни; запущенное, загрязненное место”; *a square pegs in a round hole* (*square pegs in round holes, square pegs in a round*) “человек не на своем месте” можно говорить лишь условно, постоянно имея в виду, что речь идет о морфологических свойствах, составляющих их компонентов.

Более того, поскольку компоненты своеобразно реализуют свои парадигматические возможности именно внутри фразеологических образований, правильнее говорить о морфологических особенностях компонентов фразеологических образований (или самих ФЕ) в отличие от морфологических свойств, которыми обладают эти же слова в системе языка. Так, с грамматической точки зрения ФЕ *the lion's share* и переменное словосочетание *lion's share* являются тождественными структурами, между

частями которых существуют определительные отношения. Однако, последовательный трансформационный анализ, с помощью которого можно формализовать смысловое различие между двумя однотипными грамматическими структурами, неприменим к ФЕ *the lion's share* в силу особенно выражаемого ею значения “*the largest or best portion*” (большая, лучшая часть чего-либо, львиная доля чего-либо).

Одновременно с этим изменения форм компонентов, возможные в составе переменного словосочетания (ср.: *the lions' share; the lions' shares*), противопоставлены компонентом приводимой ФЕ, ибо ее значение может быть реализовано только в составе данных парадигматических форм компонентов.

Правда, существует и такие субстантивные ФЕ, компоненты, которых могут изменять свою форму в процессе функционирования ФЕ в речи. Например, *castle in Spain: castles in Spain* “воздушные замки, несбыточные мечты”; *wheels within wheels* и ее лексико-морфологические варианты *worlds within worlds; a. world within the world* “сложный механизм; игра интересов”; “переплетение влияний или интриг”; *Greek gift; Greek gifts* и морфологосинтаксический вариант *the gifts of the Greeks* “дары данайцев; дар, таящий в себе опасность”. Однако в любом случае важным с точки зрения фразеологии является установление предела варьирования форм компонентов, без чего значение всего образования реализовано быть не может. В качестве такого предела, ограничивающего свободное варьирование парадигматических форм компонентов всякий раз выступает сама ФЕ, общее значение которой как бы регулирует парадигматические возможности ее компонентов. Сказанное выше предполагает, что “морфологию” ФЕ составляет морфологические особенности их компонентов, реализуемые в пределах фразеологического тождества. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы попытаться образования, какими являются имена существительные и субстантивные ФЕ, в грамматическом (морфологическом) плане [13, 17].

Особенно многочисленны такого рода явления среди субстантивных ФЕ с первым компонентом в форме притяжательного падежа. Сравните,

grandfather's (или grandfather) clock “старинные часы”: All Fool's (Fools') day “первое апреля, день шуточных обманов”; donkey's (или donkeys') years “долгое время, давно, целая вечность”: angel's (angels' или angel) visits “редкие, но приятные визиты”.

Формообразование вышеприведенных ФЕ не привносит в эти единицы добавочных абстрактных значений, а приводит лишь к созданию разновидностей ФЕ, “друг к другу по качеству и количеству значений, стилистическим функциям, а также по сочетаемости с другими словами”... Подобные разновидности ФЕ не носят название фразеологических вариантов морфологического типа.

Таким образом, если грамматическое значение предметности, свойственное целому классу имен существительных, выражается в морфологии их парадигмой, то тоже самое значение предметности в субстантивных ФЕ имеет свои специфические приемы воплощения, обусловленные:

- 1) раздельнооформленным характером их структуры (отсутствие парадигмы, характеризующей единицу в целом);
- 2) фразеологической устойчивостью образований (способностью к узуальным и окказиональным формоизменениям отдельных ФЕ, наличие морфологических вариантов).

Поскольку речь идет о разном материальном оформлении одного и того же грамматического значения предметности, постольку представляется правомерным говорить о разных средствах выражения этого значения.

В качестве основного, идеального средства выступают имена существительные, обладающие формами, совокупность которых образует определенную систему, или парадигму. Последняя является существеннейшей грамматической характеристикой любого слова данного класса, т.к. позволяет отличить его от слов других классов и разрядов [18, 333].

Расчлененность структуры субстантивных ФЕ и регулируемая общим значением образования возможность/невозможность изменения форм, составляющих их компонентов, свидетельствует о том, что мы имеем дело с единицами, не обладающим, в отличие от слов, системой словоизменительных форм, т.е. парадигмой в собственном смысле. Это обстоятельство не препятствует, однако, тому, что субстантивные ФЕ выступают в качестве особого “раздельнооформленного” средства выражения грамматического значения предметности наряду со словами – именами существительными [21, 80-81].

Представляется также перспективным провести дальнейшее исследование функциональных особенностей словосочетаний разных ономаσιологических моделей в их конкретной контекстной реализации и провести описание текстоформирующих потенций словосочетаний разных типов.

В связи с широким употреблением именных определительных словосочетаний и различным грамматическим оформлением адьюнкта в современном английском языке, анализ разновидностей субстантивных словосочетаний представляет несомненный теоретический и практический интерес, так как в их построении проявляется своеобразие грамматического строя современного английского языка, обусловленное специфическими внутренними законами его развития. Задачей данной работы является выявление в пределах исследуемого материала употребления разновидностей субстантивного словосочетания.

Выявление модели определительно-субстантивных словосочетаний набирались путем сплошной выписки примеров из произведений современных англоязычных писателей, пьес авторов 20 века, лингвистических и технических текстов, публицистических статей. Всего охвачено сплошной выпиской примеров 2000 страниц текстов.

Для сопоставления частности употребления различных морфологических типов определительно-субстантивных словосочетаний

делался подсчет встречаемости каждого типа словосочетания на одну страницу текста, тем самым создавалась возможность выявления относительной частности. Каждая страница текста насчитывает 1600 знаков, что соответствует, в среднем, 400 словам. Количество страниц исследуемого текста определялось по количеству знаков в тексте, делённому на 1600 знаков, а не по страницам издания книги. В пьесах для проведения сплошной выписки бралась речь действующих лиц. Ремарки, пояснения выпускались.

Ядро определительно-именного словосочетания может заполняться лексическими единицами, принадлежащими к категории имен существительных.

Позиция адьюнкта словосочетания может заполняться лексическими единицами, принадлежащим к различным категориям групп слов: имени прилагательному, глаголу в форме инфинитива, герундия, причастия, имени существительному, наречию.

Для выражения связи между ядром и адьюнктом английский язык использует следующие языковые средства: порядок слов, контактность, предлоги.

Синтаксическим содержанием рассматриваемых адьюктивно-субстантивных словосочетаний являются определительные отношения, независимо от слова, употребляемого в роли адьюнкта.

Выражая главный компонент словосочетания через N, а адьюнкт через A, мы можем представить модель исследуемого словосочетания следующим образом: AN.

Русское прилагательное “узкий” и английское narrow образуют вторичное количественное значение “объединяющий, охватывающий немногих, немногое” (узкий круг друзей – narrow circle of friends, узкий диапазон деятельности – narrow range of activity), которое служит основой для ряда производных, связанных с собственно количественным значением метонимической зависимостью.

Логические ассоциации, лежащие в основе образования метонимических производных семем не совпадают у носителей русского и английского языков.

В русском языке зафиксирована семема “ограниченный, односторонний, касающийся чего-либо одного”: узкий профессионал, узкий специалист, узкое значение и т.п.

Образование метонимически производного значения основана, по-видимому, на следующей психологической ассоциации: в силу того, что явление охватывает немногое, немногих, оно не может быть полным, всесторонним – “ограниченный, односторонний, касающийся чего-либо одного”.

В английском языке зафиксирована другая семема, производная от собственно количественного по формуле метонимического переноса. При сочетании с абстрактными существительными *search* (поиск), *examination* (осмотр), *investigation* (исследование) реализуется значение “подробный, тщательный, точный”.

Механизм образования данной английской семемы может быть передан следующей трансформацией: *narrow investigation* – (букв, узкое исследование) – исследование в узкой области – тщательное исследование.

Оценочные значения отмечаются в русском и английском языках при сочетании с абстрактными, реже конкретными существительными, называющими человека, произведения его умственной деятельности:

Глубокие знания – *deep knowledge*, Глубокое понимание – *deep understanding*, Мелкая ложь – *shallow lie*, Мелкая жизнь – *shallow life*, Высокие идеалы – *high ideals*, Высокое происхождение – *high birth*, Низкие цели – *low aims*, Низкий пост – *low post*.

Существенное своеобразие образуют английские лексемы *wide*, *broad* (широкий), которые при сочетании с конкретными существительными, называющими человека, абстрактными существительными, называющими некоторые конструкты (*construct* = конструкции), приобретают значение

“выходящий за пределы условной нормы, не соответствующий норме, аморальный, непристойный”.

Сравним:

These blouses were all the fashion in France during the war and wide boys sold parachutes to get the silk to make them with;

Well, she was tipsy, but very wide (Short Oxford Dictionary);

He had a broad humour typical of Yorkshire.

Подобные примеры показывают своеобразие культурно-национальных форм отражения объективной реальности, разные потенциальные возможности образования переносных значений, что с необходимостью должно учитываться в практике преподавания иностранных языков.

Наличие общего грамматического значения предметности является лишь одним из признаков выделения в языке классов слов. Другим важным признаком слова как части речи является наличие грамматических (морфологических) категорий, существующих в парадигме. Такими категориями, характеризующими в современном английском языке имена существительные как класс, являются категории числа категория падежа. В этой связи небезынтересно посмотреть, в каком отношении к данным категориям находятся субстантивные ФЕ, обладающие, как и имена существительные, общим грамматическим значением предметности, но не являющимся в отличие от них собственно морфологическими структурами.

Наиболее “яркой” морфологической категорией в системе имени существительного в современном английском языке является категория числа, которая регулярно выражается морфологическими средствами и свойственна необозримо большому грамматическому классу слов [34, 123]. Случаи отсутствия изменений по категории числа у имен существительных хорошо изучены и описаны с большей или меньшей степенью детализации в многочисленных учебниках и справочниках по английской грамматике.

Относительно субстантивных ФЕ нельзя сказать, что они могут также, как и существительные регулярно противопоставляться по линии числа.

Подавляющая часть рассматриваемых образований обладает значением только множественного или только единственного числа. Принципиально это положение не содержит ничего нового, если учесть, что в английском языке не всякое существительное имеет форму и единственного и множественного числа. Так, например, у существительных *shorts, tongs, spectacles* по самой их природе не может быть формы (так же как и значения) единственного числа, потому что она выражает множественность (так называемую партитивную множественность). Слова, обладающие только значением единственного числа, хотя и различаются по типу структуры (*news, physics, information, beauty*), “вообще не способны соотноситься со словами количественного значения и ассоциироваться с понятиями и выражениями раздельности, делимости, считаемости” [50].

Речь, однако, не идет о таких ФЕ, в качестве компонентов, которых выступают слова со свойственными им в системе языка ограничениями парадигмы, типа *Adam's ale* (или *wine*) “вода”, *cupboard love* “корыстная любовь”, *sour grapes* “зелен виноград”, *dirty work* “грязное дело, подлость”. В отличие от слов субстантивных ФЕ, не противопоставляемые по линии числа, могут иметь (и, как правило, имеют) компонентами слова, которые вне фразеологического образования обладают полным набором словоизменительных признаков. Такие ФЕ могут выражать:

1) Объективно существующую множественность: *Hercules's Pillar* (или *the Pillars of Hercules*) “геркулесовы столбы (или столпы)”, *white caps (horses)* “буруны, белые барашки волн, следующие друг за другом”: *Skipper's daughters* “высокие волны с белыми гребнями”; *pins and needles* “колотье в конечностях”; *conscript fathers* 1. ист. Отцы – сенаторы (обращение к римским сенаторам); 2. Отцы города; *salad days* “пора юношеской неопытности”; *creature comforts*; *loaves and* “земные блага”; *the three tailors of Tooley Street fishes* “небольшая группа людей, считающих себя представителями всего народа”.

2) Объективно существующую единичность: *the olive branch* “оливковая

ветвь (символ мира и успокоения)”; the life and soul (of) “вдохновитель, главный организатор, душа (общества, предприятия и т.д.)”; the apple of discord “яблоко раздора”; the Trojan horse “скрытая опасность”; the old one “враг рода человеческого”; the horn of plenty “рог изобилия”.

3) Закрепленную традицией употребления множественность при существующей объективно единичности; Cassandra warnings “предостережения, которыми пренебрегают, но которые сбываются”; the lungs of London “парки Лондона”; the minions of the law “полицейские детективы”; dead marines (или men) “пустые винные бутылки”; angels (или devils) on horseback “гренки с устрицами, запеченными в беконе”.

4) Закрепленную традицией употребления, единичность при объективно существующей множественности; a black eye “подбитый глаз, синяк”; child's play “детская игра, забава, пустяк”; the (или a) cold shoulder “холодный, неприветливый прием”; large (или tall) order “трудное дело, трудная задача”; all legs and wings “неловкий высокий подросток, не знающий, куда девать руки и ноги”; hot coppers “пересохшее горло (с похмелья)”.

Во всех указанных случаях фиксированная форма субстантивного компонента (компонентов) наряду с переосмыслением значения образований, устойчивым характером их структуры выступает в качестве дифференциатора фразеологичности единицы в целом, т.е. является фразеологически устойчивой. Её нельзя измерить, не измерив природу самой ФЕ.

Сравните, a white horse имеет значение “белая лошадь”, a dead man “мертвый человек”; hot copper “горячая медь”; a pin a needle “булавка и иголка”; и т.д.

Как показывают примеры, устойчивость парадигматической формы субстантивных компонентов, в данном случае – нулевая парадигма связана не только с особенностями выражаемых конкретными ФЕ понятиями типа the green – eyed monster “jealousy, envy” (ревность, зависть); a stiff neck 'stubbornness' (упрямство); the senews of war, money (деньги); black

diamonds 'coal' (уголь); an itching palm “avarice, greediness (жадность, алчность)”; an iron hand in a velvet glove, “rigid firmness or extreme severity beneath suavity or courtesy” (непреклонность, суровость, прикрываемая любезностью); bowels of compassion “sympathy or compassion” (сочувствие, сострадание), или с особенностями формы компонента, предуказанными самой свистемой английского языка и наблюдаемые во ФЕ типа Adam's ale (wine) water “вода”; husband's tea “weak tea” (жидкий чай); water of life “spirits” (алкогольные напитки).

В большинстве случаев устойчивость парадигматической формы субстантивного компонента (компонентов) рассматриваемых образований связана с переосмыслением значения компонентов в составе ФЕ, которое к тому же часто сопровождается изменением их категориальной характеристики [49].

Так, выступающие в своем прямом значении исчисляемые существительные apple, curtain, tape, horse, order, hand, monster, plume, neck и другие, переосмысляясь в составе ФЕ, утрачивают черты конкретности и исчисляемости и приобретают :

а) абстрактное значение the good seed “доброе зерно”; good curtain театр, “хорошее окончание акта пьесы”; red tape “бюрократизм, волокита”;

б) собирательное значение a big hand “аплодисменты, овация”; horse and foot “конница и пехота”; greater (lesser) lights “persons of greater (lesser) eminence” Scarlet lady “вавилонская блудница” (римско-католическая церковь);

в) категория собственного имени изменяется на категорию нарицательного имени и наоборот, например, Castor and Pollux “огни святого Эльма, свечение на концах мачт”; John Collins амер. “напиток из содовой воды, джина, сахара, лимонного сока и льда”; Harley Street “врачи, медицинский мир”; Jack and Gill (или Jill) “юноша и девушка”;

the hound of hell "Цербер (этим, миф); Jack Ketch "палач"; the first man "Адам"; the sick man (of Europe) "Турция" и т.д.

Конечно, переосмысление субстантивного компонента в составе ФЕ не всегда сопровождается изменением его категориальной характеристики (ср.: a bad actor "плохой, дурной человек", ship's cousin "любимец командира или старшего помощника", cousin seven times removed "дальний родственник"), но зато почти всегда сопровождается ограничениями в выборе парадигматических форм компонентов [47, 256].

Для английского языка, с его слабо выраженной системой морфологических изменений такие ограничения сводятся, как правило, к наличию формы только единственного или множественного числа и отсутствию формы притяжательного падежа (об этом ниже) у субстантивных компонентов в составе ФЕ, тогда как в переменных словосочетаниях те же слова имеют формы как единственного, так и множественного числа и могут противопоставляться по категории падежа (например, hand; hands; hand's; hands' и др.) [10, 350].

В этой связи важно подчеркнуть, что ограничения в формоизменении субстантивных компонентов являются фразеологически обоснованными, т.е. они регулируются, главным образом, общим значением всего образования и в большинстве случаев не совпадают с ограничениями словоформ, свойственными некоторым именам существительным в системе английского языка (слова типа water, wages и др.).

Для некоторой части субстантивных ФЕ оказывается возможным противопоставление по линии числа в зависимости от единичности или множественности обозначаемых ими предметов или явлений, что, несомненно, связано с характерным для них значением предметности, являющимся изоморфным значению слов – имен существительных. При этом формой множественного числа может оформляться:

1) Один, не конечный компонент а **babe unborn: babes unborn** "невинный, сущий младенец"; **a bull in a china shop: bulls in china shop** "слон

в посудной лавке, неуклюжий, неловкий человек”); **a skeleton at a (или the) feast:** skeletons at a (the) feast “что – либо омрачающее веселье”; **a limb of Satan:** limbs of Satan “дьявольское, сатанинское отродье, исчадие ада”; **walk of life:** walks of life “общественное положение, занятие, профессия”.

2) Один конечный компонент **a sealed book:** sealed books “книга за семью печатями”; **a broken reed:** broken reeds “ненадежный человек, непрочная вещь”; **an Aunt Sally:** Aunt Sallies “предмет нападков или оскорблений”; **the weaker vessel:** the weaker vessels “женщина”; **one's opposite number:** one's opposite numbers “лицо, занимающее такую же должность в другом учреждении, государстве и т.п.; вещь, поставленная таким же образом в другом месте”; **Eve's daughter:** Eve's daughters “представительница прекрасного пола”. Такие единицы наиболее трудноотличимы от сложных слов, т.к. их раздельнооформленность является неустойчивой. Только противопоставляя показатели раздельно оформленности ФЕ показателями цельнооформленности сложных слов можно приблизиться к решению вопроса о языковой природе подобных образований.

3) Оба субстантивных компонента одновременно **a square peg in a round hole:** square pegs in round holes “человек не на своем месте, человек неподходящий для данной работы”; **one's lords and masters:** one's lord and master “хозяин, глава”; **twist and turn:** twists and turns “все углы и закоулки”; **stress and strain:** stresses and strains “strained effort and tension”; **the wife of one's bosom:** (the) wives of one's bosoms “one's dear wedded wife”; во ФЕ, содержащих более двух субстантивных компонентов, могут изменяться все компоненты одновременно **tinker, tailor, soldier, sailor:** tinkers, tailors, soldiers, sailors “Rich man, poor man, Beggar – man, thief; **Tom, Dick and Harry:** Toms and Harris “средние, заурядные люди, первый встречный, каждый встречный и поперечный”.

4) Оба субстантивных компонента, но не одновременно, а в зависимости от условий реализации значения ФЕ в речи. Таких примеров немного:

skeleton in the cupboard: **skeletons** in the cupboard: skeleton (skeletons) in the cupboards “семейная тайна”; a (the) flash in the pan: flashes in the pan: the flash in the pans “неудачная попытка, фиаско, провал, иллюзорный, эфемерный успех”.

Особо следует отметить немногочисленные случаи образования формы множественного числа субстантивных компонентов, не являющимися именами существительными вне состава ФЕ. К ним относятся ФЕ **airy nothing**: airy nothings “ничто”, “мыльный пузырь”; **the impossible she**: the impossible she's “a women whom one is not likely to possess as a lover or wife”; **free and easy**: free and easies “собрание, где царит непринужденность, концерт или спектакль, во время которого разрешается курить”.

Субстантивизация местоимений she и nothing и прилагательного easy вызвана причинами чисто фразеологического порядка, а именно, переосмыслением их значения в составе соответствующего ФЕ.

ФЕ pots and pans не образуют оппозиций с совпадающей с ней по материальному составу ФЕ (old) pot and pan, ибо первая имеет значение “пожитки”, а вторая – “старик”.

С другой стороны, общность фразеологических значений ФЕ a stick or (and) stone и ФЕ stocks and stones, обозначающих соответственно an inanimate thing “недушевленный предмет” и inanimate objects or unfeeling people (неодушевленные предметы, безчувственные, холодные люди), и особенности грамматических значений каждой из них дают нам право предположить, что перед нами один из редких случаев супплетивного образования множественного числа во фразеологии. Имеющая значение единственного числа ФЕ stick or stone противопоставляется ФЕ stocks and stones как обладающей значением множественного числа, и обе эти единицы могут рассматриваться как взаимно дополняющая друг друга пара. Конечно, такие случаи исключительно редки, что, как нам представляется, можно объяснить спецификой индивидуальных значений фразеологических образований.

Сравнительно часто при образовании оппозиций по грамматическому признаку наличия числового значения субстантивные ФЕ проявляют свойства, в целом не характерные для имени существительного в английском языке. Так, например, исходной формой имени существительного как части речи справедливо считается форма единственного числа, соотносимая с формой множественного числа по противопоставленности единичности и множественности, одного представителя вида многим его представителям. Среди субстантивных ФЕ, обладающих значением как единственного, так и множественного числа, наблюдаются случаи, когда первичной или исходной формой компонентов ФЕ является форма множественного числа, соответствующая значению множественного числа, выражаемого единицей в целом. Позднее из таких ФЕ развиваются единицы со значением единственного числа и с компонентами в форме единственного числа. Почти все, имеющиеся в нашем распоряжении примеры образования формы единственного числа от формы множественного числа, – ФЕ литературного происхождения, т. е. Вошедшие в английский язык из Библии, произведений В. Шекспира и многих других писателей.

Например, ФЕ *the sings of the times* “the indications of the present day trend in any matter”; *vessels of wrath, from “Romans” sings and wonders* “miracles and marvels”; *strangers and sojourners* “mere travellers, temporary dwellers in a foreign land”; *sons of Belial* “wicked or worthless men”; *brute beasts* “animals considered as wanting in reason or understanding”; *vain repetition, from Mathew* впервые употребляются в Библии с компонентами в форме множественного числа. В. Шекспиру принадлежат ФЕ *sermons in stones, golden opinions*, из которых позднее развились *a sermon in every stone, a golden opinion* “благоприятное, лестное мнение”.

Среди других ФЕ такого типа, введенных в язык английскими писателями, можно назвать *young barbarians* “о студентах – аристократах, неразвитых в интеллектуальном отношении”; *men of light and leading* “просвещенные деятели”.

Из старой баллады взято выражение *babes* (или *children*) *in the wood* “сущие младенцы, простаки, простодушные, доверчивые люди”. Позднее появляется *a babe in the wood*.

В пословицах употребляются *birds of a feather* “люди одного склада, один другого стоит”, *strange bedfellows* “случайно знакомые”; из которых развились образования со значением единственного числа, *a bird of the same* (или *different*) *feather* и *strange bedfellow*.

С компонентом в форме множественного числа была впервые употреблена английским поэтом 18 века У. Каупером ФЕ *cups that cheer but not inebriates*. Особенности выражаемого данной ФЕ понятия *tea* (чай), также, как и особенности самой структуры английского языка, в котором у вещественных и отвлеченных существительных есть только одна форма, не противопоставляемая другой, позволяют считать, что перед нами не члены грамматической оппозиции, а фразеологические варианты морфологического типа, из которых более употребительным является второй, производный вариант, о чем свидетельствуют данные словарей, а так же имеющиеся в нашем распоряжении примеры [38, 100].

Со значением множественного числа вошла в английский язык уже в 20 веке ФЕ *boy in the backroom* “засекреченные сотрудники, эксперты, специалисты, особенно о людях, старающихся держаться в тени”. Позднее возник морфолого-синтаксический вариант *a backroom boy* [15, 37].

Даже из приведенных примеров становится ясно, что грамматическая категория числа в области фразеологии (конкретно, у субстантивных ФЕ, обладающих значением предметности), проявляется не с той последовательностью и четкостью, с которой она проявляется в словах – именах существительных.

Это обстоятельство, как нам представляется, объясняется в первую очередь особенностями индивидуальных значений ФЕ, которые и регулируют, в конечном счете, возможность или невозможность формоизменений своих компонентов.

Как показывают примеры, устойчивость парадигматической формы субстантивных компонентов, в данном случае – нулевая парадигма связана не только с особенностями выражаемых конкретными ФЕ понятиями типа the green – eyed monster “jealousy, envy” (ревность, зависть); a stiff neck ‘stubbornness’ (упрямство); the senews of war, money (деньги); black diamonds ‘coal’ (уголь); an itching palm “avarice, greediness (жадность, алчность)”; an iron hand in a velvet glove, “rigid firmness or extreme severity beneath suavity or courtesy” (непреклонность, суровость, прикрываемая любезностью); bowels of compassion “sympathy or compassion” (сочувствие, сострадание), или с особенностями формы компонента, предугазанными самой свистемой английского языка и наблюдаемые во ФЕ типа Adam's ale (wine) water “вода”; husband's tea “weak tea” (жидкий чай); water of life “spirits” (алкогольные напитки).

Выводы по главе II

Изучение словосочетаний в синтагматическом плане тесно связано с исследованием лексико-семантических факторов, которые влияют на построение сочетаний. Современный английский язык с его аналитическим грамматическим строем характеризуется активным взаимодействием лексических и грамматических явлений. Во многих случаях область лексики и грамматики как бы обуславливают друг друга.

В предлагаемой классификации группы словосочетаний выделялись по характеру семантических отношений между компонентами. Дальнейшую детализацию классификации целесообразно проводить делением на подгруппы на основе трансформационных отношений с учетом семантических признаков ведущего компонента.

В результате анализа исследуемых нами субстантивных ФЕ в их сопоставлении с именами существительными в грамматическом (морфологическом) аспекте приходим к выводу, что:

1) общим грамматическим признаком субстантивных ФЕ и имени существительного, как номинативных единиц языка, является закреплённость за ними общего грамматического значения предметности;

2) в силу различий в материальном оформлении этого значения в случае использования имени существительного или субстантивных ФЕ, последнее следует рассматривать в качестве особого “раздельнооформленного” средства выражения грамматического значения предметности наряду со словами – именами существительными;

3) грамматические (морфологические) категории числа и падежи, характеризующие в современном английском языке имена существительные как класс, свойственны лишь отдельным, конкретным субстантивным образованиям в силу особенностей индивидуальных значений ФЕ и их структуры.

Наличие общего и различного в грамматической (морфологической) характеристике рассматриваемых ФЕ и имени существительного дает

возможность говорить не об отношении тождества, но о соотносительности субстантивных ФЕ с именем существительным в грамматическом (морфологическом) аспекте.

ГЛАВА III. КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-СУБСТАНТИВНЫХ ГРУПП

3.1. Семантико-структурный состав определительно-субстантивных групп в контекстной реализации

Определительно-субстантивные группы – активное выразительное средство в современном англоязычном тексте.

Сравним такие типичные конструкции:

Young American children's....

Pretty young children's....

All the ten children's....

Pretty American children's....

Одним из факторов, оказывающих влияние на распространяемость группы, следует считать и “сдерживающую” роль сочетаний nN в языке художественной литературы. Преобладание изолированных позиций nN, затруднение ими процесса дальнейшего нанизывания определяющих слов к N отражено нами ранее.

Здесь остановимся на пределах распространения именных групп, содержащих несколько существительных-модификаторов.

Как известно, в языке научно-технической прозы подобные именные группы используются чрезвычайно широко. Так, например, И.В.Денисова отмечает: “Из 262 слов, выполняющих определительную функцию в сочетаниях, входящих в активный состав, 93 слова по форме сходны с соответствующими существительными и могут также использоваться в роли ядерных сочетаний” [25, 50]. В языке же художественной литературы именным группам nN сравнительно редко предшествуют существительные-модификаторы. В результате подвергнутого сплошной выборке на именные группы nnN языкового материала объемом 960 страниц 10 современных английских и американских авторов было обнаружено лишь 17 именных

групп nnN при общем количестве именных групп в данном материале равном 22086, т.е. меньше 0,1 %.

Итак, сочетания nN могут распространяться за счет:

1) одного существительного-модификатора, образуя именные группы ... nnN (как в языке художественной, так и научно-технической литературы); ... *or widows being rooked into* или вдовы, втянутые в темные *phony oil well deals* сделки насчет нефтяных скважин *computer services network* – сеть обслуживания электронными машинами.

2) двух существительных-модификаторов, образуя именные группы ... $nnnN$: ... *random access storage devices* – запоминающие устройства с произвольной выборкой: ... *the road was striven forward*; – дорога вела вперед; *the mother-gate trunk conve* заслонка загрузочного бункера *belt brought up* (ЛЛН, 209) конвейерной ленты была поднята. (В книге при описании жизни шахтеров используется технический термин).

3) трех существительных-модификаторов, образуя именные группы ... $nnnnN$:

Во всем исследованном материале художественной литературы встретилась только одна именная группа указанной структур

... *so Nancy Lee was asked to think what she would say when the scholarship was conferred upon her a few days hence, both at the Friday morning highschool assembly hour... and at the evening banquet of the Artist Club* (WSRW, 102).

4) четырех существительных – модификаторов, образуя именные группы $nnnnnN$: *air pollution enforcement officer patrol car* – патрульная машина сотрудников службы по борьбе с загрязнением воздуха (WSRW, 112).

Computer installation performance effectiveness evaluation – оценка эффективности работы вычислительной установки.

Ни одной именной группы, в которой существительные–модификаторы могли бы распространиться за счет указанного количества компонентов, не было обнаружено в языковом материале художественной литературы.

С точки зрения дальнейшего распространения именных групп с несколькими существительными – модификаторами можно отметить способность nnN и nnnN составлять максимальные и двухэлементные именные группы: The first major computer manufacturer – первый основной поставщик электронных машин. Telecredit's original check approval process – процесс подтверждения подлинных чеков с помощью телекредита. A national crime prevention system – национальная система предупреждения преступлений... A specified space charge layer width – точно определенная ширина пространственного насыщенного слоя [52].

Однако именные группы nnnnN не могут распространяться до уровня максимальных групп. Во всем исследованном материале научно – технической прозы нам не встретилось ни одной максимальной группы с указанным количеством существительных-модификаторов. Таким образом, максимальный предел распространения nnnnN – это двухэлементные именные группы. Именные группы с большим количеством существительных-модификаторов, т.е. nnnnnN, по материалам исследования, не обнаруживают способности к дальнейшему распространению и разрастаются до уровня двухэлементных и максимальных групп.

Следующим фактором, влияющим на распространение именных групп, является ограниченное количество адъективов в них. Как показали наблюдения, количество адъективов в составе препозитивной именной группы, как правило, не превышает трех.

Обнаруженные именные группы с наиболее распространенным II классом компонентов сводились к группам типа: Their complete asynchouns – их полностью асинхронная; internal operation – внутренняя работа [49]. These large computing complexes will require sophisticated remote terminal devices – эти большие вычислительные комплексы требуют усложненных пультов [50]. ... this bustling, dominating, successful man – этот суетливый, властвующий, преуспевающий человек (CDBH, 809). Caldwell's high, handsome, compounded body – высокое, красивое, двуединое тело Колдуэлла

(TDT, 404). Именных групп с большим количеством адъективов встретилось крайне мало в исследуемом материале. Сравним такой пример: “The old governer's doomed lost nameless seventeen-year-old great great grand daughter” (JSGW, 507).

Это наблюдение подтверждается и замечанием И.Баумена [41,86], который указывает, что выбор того или иного прилагательного зависит, главным образом, от эмоциональной настроенности говорящего и что англичанин не употребит много прилагательных. Причем многие стилисты, продолжает автор, рекомендуют очень экономно подходить к использованию прилагательных, считая, например, что “триада” прилагательных лишает стиль силы, ослабляя его.. (... they condemn the use of “triads” of adjectives, which, they consider, deprives the style of strength).

Наконец, следует упомянуть и роль нерелевантных компонентов, расширяющих именные группы. Под нерелевантным мы понимаем компонент, относящийся не к N, а к одному из других компонентов именной группы. Например, в именной группе *my poor mother's death* (PAP, 305) “my” и “poor” являются нерелевантными компонентами.

Языковой материал показал, что все классы именной группы могут определяться нерелевантными компонентами. Например: ... *with a surprisingly formal note from his employer* – с удивительно официальной запиской от своего хозяина (CDHT, 234). *BR's (British Railways') first generation Diesel requirements* – Требования Британских железных дорог к первому поколению дизелей.

Caldwell lived in dread of the the supervising principal's monthly classroom visitation Колдуэлл всегда боялся этих ежемесячных директорских посещений (ASKD, 456).

... *the user program interaction state* – состояние взаимодействия программы [49].

Нерелевантные компоненты могут в свою очередь иметь при себе определяющие слова, однако таких примеров удалось обнаружить очень немного: I took far too many things – я взял с собой слишком много вещей.

... his interest in Drouct's little shopgirl grew in an almost evenly balanced proportion (TDT, 166) – его интерес к Друэ маленькой продавщице возрастал почти в равной мере.

Таким образом, пределом растяжимости именной группы с точки зрения не релевантности, можно считать два (но не более) нерелевантных компонента при одном релевантном.

В связи с указанной ступенчатостью нерелевантных компонентов Б.Чарлстона [43, 112], например, говорит о так называемых вторичных определениях “secondary attributives” (a very fine dress, an almost white dress) и третичных определениях “tertiary attributives” (a very properly conducted affair, a rather recently published article, an almost purely family affair).

Однако наши исследования не подтверждают замечаний Н.Лич [46, 28], который различает на ряду с группы nnnnnN обнаруживают способности к дальнейшему распространению:

5) количество адъективов в составе припозитивных именных групп не превышает трех;

6) с точки зрения нерелевантности пределом растяжимости именной группы являются два (но не более) нерелевантных компонента при одном релевантности.

3.2. Актуализация определительно-субстантивной группы в контексте диалога

Именной стержень диалогового предложения

Одной из особенностей стержневого словосочетания диалога, формальным признаком его структуры служит порядок следования компонентов. Модель словосочетания N1 + pr + N2 предполагает предшествование головного компонента зависимому, непосредственное следование предлога как средства синтаксической связи за головным компонентом и предшествование зависимому. Такой порядок следования предопределяется сочетательными свойствами имени существительного, его способностью появляться в указанном синтаксическом окружении, и задан грамматическим строением английского языка [45, 137].

Он присущ предложенным субстантивным словосочетаниям любой степени сложности, так как любое сложное словосочетание сводимо к лежащему в его основе простому словосочетанию модели N1 + pr + N2.

Сравним, например:

a sudden knock at the front door (EHFA, 43);

a ... knock on the ... door;

a scent of rum , oranges and lemons (CDHT, 106);

a scent of rum;

a scent of oranges;

a scent of lemons.

Указанный порядок следования компонентов находит реализацию в речи и характерен для словосочетания, которые функционируют в составе предложений различных структурных типов.

Однако организация предложения с его коммуникативной и экспрессивной направленностью не безразлична к некоторым структурным параметрам словосочетания и оказывает влияние, в частности, на порядок следования компонентов словосочетания [44, 88].

Положение о влиянии предложения на структуру словосочетания является в данном исследовании отправным. Измененный порядок следования компонентов рассматривается не как исключение, а как одно из условий функционирования словосочетаний, речевой реализации модели N1 + rg + N2.

Рассмотрим функциональные изменения в порядке следования компонентов словосочетания, проявляющихся в опущении, повторении, а также обособлении компонентов словосочетания.

Опущение компонентов в определительно-субстантивной группе

Модель N1 + rg+ N2 предлагает как минимум два компонента, соединенных предлогом: головной и зависимый. Устранение любого из компонентов разрушает структуру словосочетания, словосочетание перестает существовать как таковое: A dress on a hanger (EBWH, 77) – a dress... A dress on a hanger --/-- on a hanger.

Однако, организация предложения, в котором функционирует словосочетание, делает возможным опущения одного из компонентов. Хотя основная функция опущения состоит в предупреждении повторений и сжатии текста, не повторение компонентов словосочетания подчинено также и задачам коммуникации: опущение головного компонента, который был назван ранее, подчеркивает рематичность зависимого компонента, удельный вес информации, которую он несет в составе предложения: They are not letters of a father to a son, but of a friend to a friend (JSGW, 226).

В предложенных субстантивных словосочетаниях головной компонент опускается, когда в предшествующем субстантивном словосочетании (или словосочетаниях) головной компонент представлен тем же существительным [42, 56]. Опущение в структуре предложения некоторых компонентов становится возможным потому, что остающиеся элементы при опоре на контекст как бы “проецируют” опущенный компонент, который легко восстанавливается: They are not letters of a father to a son, but of a friend to a friend.

Головной компонент словосочетания (letters) of a friend to a friend восстанавливается в данной позиции, так как предсказывается в семантическом плане предшествующим существительным letters и структурно предлогом of, дистрибуция которого в синтаксических условиях данного предложения требует существительного в качестве обязательного левого окружения: They are not letters of a father to a son, but (letters) of a friend to a friend.

Опущенный компонент, с которым он соотносится, так же как и словосочетания, в состав которых оба они входят, связаны однофункциональными синтаксическими отношениями, что является предпосылкой к опущению повторяющихся компонентов [27].

Другой разновидностью опущения является головного компонента при опоре не только не только на соответствующее существительное в составе другого словосочетания, но так же на его модификатор. В качестве опорных модификаторов обычно выступают местоимения и числительные, которые представляют опущенный компонент: The other sections are devoted to 10 articles on comprehensive education, five on primary schools, and six on universities (PAP, 500).

There was tea in a great silver urn, and coffee too, and on the heater, piping hot, dishes of scrambled eggs, of bacon, and another of fish (TDTF, 78).

Только в составе предложения словосочетания five on primary schools, six on universities, another of fish интерпретируются соответственно как словосочетания five articles on primary education, six articles on universities, another dish of fish, что возможно благодаря семантическим и структурным особенностям других компонентов предложения [28, 99].

Зависимый компонент словосочетания бывает эллиптическим, т.е. представлен отсутствием зависимого существительного: ...and I was walking along Worcester Street on my way to Sheila's (WSRW, 204). ... to allow a child to leave school before the age of fifteen (EHFA, 123).

Фактически в позиции зависимого компонента есть только его модификатор (Сравните, *on my way to Sheila's house*). Но это нельзя считать опущением компонента, так как его отсутствие обусловлено существующей языковой традицией и не вызывает ни структурной, ни смысловой недостаточности словосочетания при его вычленении из предложения:

My way to Sheila's the age of fifteen no: another... of fish the heaviness...

В отличие от опущения, повторение компонентов словосочетания вызывает, с точки зрения структуры, избыточность речевых элементов. В этой избыточности обычно выражается субъективно-оценивающее отношение говорящего к сообщению или элементам сообщения. Повторяемым может оказаться головной компонент, зависимый компонент, а так же предлог, выполняющий функцию средства связи [20, 134].

Повторение компонентов словосочетания относится к числу экспрессивных средств выражения и направленно, главным образом, на интенсификацию лексического значения повторяющихся речевых единиц. Стилистическая функция повторения может находиться в зависимости от лексического значения повторяемых компонентов.

...They might be the patter, patter of a woman's hurrying footsteps [50].

В этом случае повторение от глагольного существительного *patter*, которое выступает в роли головного компонента словосочетания, передает эффект звучания быстрых, удаляющихся шагов.

Повторяемым может быть зависимый компонент словосочетания:

It's the memory of past defeats – past defeats, you can ask me about this problem of past defeats (ЛЛН, 99).

Повторение зависимого компонента вместе с модификатором *past defeats* – в составе одного словосочетания, а затем в составе другого словосочетания, увеличивает его смысловую весомость в составе всего высказывания, причем интенсифицируется значение не только зависимого компонента, но и его модификатора (*past*), повторение которого как бы подчеркивает невозможность поражения в настоящее время.

В других случаях повторяется только модификатор компонентов словосочетания, причем это характерно для словосочетаний с усложнением структуры на основе сочинительной связи. Так, перед рядом существительных в позиции головного компонента повторяется один и тот же модификатор: ... and these people had turned on me all the darkness, all the expectancy, all the wildness, all the power, of their eyes (CDHT, 231).

Повторением модификатора *all* достигается интенсификация не только предметно-логического, но и эмоционального компонента значения существительных. Более очевидной становится коммуникативная зависимость всего словосочетания.

Эмфатичность предложенного словосочетания возрастает при повторении связывающего элемента – предлога. Предлог так же повторяется перед компонентами, расширяющими структуру словосочетания: ... and I was aware of a sensation of discomfort and of shame [51].

... this strange heathen city that was such a strange mixture of mud and gallantry, of perfumes and stench, of flowers and disease (CDHT, 281).

Такое повторение предлога создает эффект размеренности и ритма, а также значимости каждого из компонентов, перед которым повторяется предлог.

Сравним:

... and I was aware of a sensation of discomfort and of shame – ... I was aware of a sensation of discomfort and shame.

Повторение предлога вызывается и тем, что расширяющие компоненты сами имеют модификаторы, присоединяемые различными средствами связи, и не повторение предлога может вызвать двусмысленность в понимании зависимости между компонентами словосочетания. Иными словами, повторение предлога здесь обусловлено не экспрессивностью речи, а структурными особенностями словосочетания и предложения, в котором оно функционирует: ... with these changes the industry should be able to meet with

confidence, the challenges of the future and increase its contribution to an expanding economy and to the service of the public [52].

В случае отсутствия предлога перед расширяющим компонентом *service*, возможно было бы истолкование зависимости этого компонента не от существительного *contribution*, а от глагола *increase* (*increase the service of the public*). Повторение предлога перед компонентом *service* снимает эту структурную двусмысленность.

Структурная целостность словосочетания может нарушаться в результате действия такого явления как обособление. Если исходить из модели читающего, то критерием обособления служат пунктуационные показатели и интонационное оформление, если исходить из модели говорящего (слушающего) [22, 20].

С точки зрения структуры словосочетания, обособлению подвергаются зависимые компоненты словосочетания (предложные группы), а также компоненты, распространяющие структуру словосочетания (определители к головному или зависимому компоненту). В терминах членов предложения обособленные компоненты словосочетания выступают как обособленные определения.

Обособляться может как зависимый компонент, не имеющий определителей, так и зависимый компонент с модификаторами:

Mr. Eric Brierly, of Pudsay, moved a resolution... [51].

In an antique shop on the Arbat Street I came across an ivory Japanese figure, of a fifteen century noblewoman [52].

В словосочетаниях, включающих несколько предложных групп, обособляются либо отдельные предложные группы, либо вся их совокупность:

There were rational c USES: lengthened lives, smaller domicilles, the break up, with traditional religion, of the family (JSWOD, 200).

... they immediately set about another work, of four hundred and fifty pages on French society during the pirectory [49].

Обособление модификаторов компонентов N1 и N2 оказывает влияние на порядок следования компонентов словосочетания усложненной структуры. Это относится к словосочетаниям с распространением структуры в препозиции компонентов N1 и N2. Варианты модели таких словосочетаний можно представить как $MN1 + pr + N2$, $N1 + pr + MN2$ и $MN1 = pr + MN2$, где М - модификатор (определитель) именных компонентов.

Для предложных субстантивных словосочетаний характерно обособление компонентов только в постпозиции. Поэтому обособление модификаторов, которые выступают в препозиции именных компонентов, сопровождается перемещением этих модификаторов в постпозицию относительного головного или зависимого компонента словосочетания:

The door flung open, punctual to the minute, and the performance, never varying, of the laying of the tea. The silver tray, the kettle. The show cloth (TDJG, 107).

Сказанное относится к модификаторам, представленными прилагательными, причастиями:

It was a cry on two notes, prolonged (ASKD, 305).

Сравним:

It was a prolonged cry on two notes.

Обособление модификатора без изменения позиции происходит при условии подключения к нему синтаксически не связанных компонентов предложения: вводных слов, частиц – или при постпозитивном распространении структуры словосочетания: ... with whom I had spent the most pleasant, and probably the most instructive, fortnight, fortnight of my as assistant in his general practice in the country (JLIH, 39).

Компонентам предложного субстантивного словосочетания свойственно обособляться не только в пределах одного высказывания, но и выходить за пределы данного высказывания. Это явление известно под названием парцелляции, под которой понимается реализация единой формальной

структурной синтаксической единицы языка – предложения – не в одной, а в нескольких коммуникативных единицах речи.

Согласно другому определению, парцелляция – это “такой прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки” [26, 13].

Предложное субстантивное словосочетание как синтаксически связанный отрезок предложения или как отдельное высказывание может расчленяться на обособленные отрезки. Точкой отделяется зависимый предложный компонент, модификаторы головного компонента:

Yes, that's why it would happen. Life and Works of Gulley Gimson. In one volume. Unpublished, without illustrations (ASKD, 105).

Зависимый предложный компонент, а так же и модификаторы головного компонента часто отделяются в таких случаях, когда у головного компонента есть постпозитивные модификаторы с зависимыми от них словами или когда за головным компонентом следуют другие элементы предложения, связанные с ним предикативными отношениями. Синтаксическая связь между головным компонентом и парцеллированными зависимыми компонентами является очевидной: I okey was now a little man shaped like a flower stand. With bandy legs and bottle shoulders (PAP, 123).

In the green cold water I could see the long fish lounging a few yards away. Black with spots of fire, with water embers (PAP, 505).

Сравним:

a little man with bandy legs and bottle shoulders;

the long black fish with spots of fire, with white embers.

Определительные отношения могут быть реализованы в соединении существительного с прилагательным, другим существительным, числительным, причастием I и II, наречием,

например:

– little boys (WSRW, 54),

–The shy, pretty little native woman (EHFA, 123),

–A searching look (EBWH, 65),

–Flattened features (EHFA, 113),

–Two children (WSRW, 38),

–The Governer's wife (WSRW, 88),

– London dock workers (WSRW, 89), т.е. существительное может быть соединено практически (кроме имени прилагательного) с любым членом предложения.

Как показывают примеры, способы выражения грамматического значения предметности в субстантивных ФЕ, оставаясь грамматическими по существу (морфологическими и синтаксическими), имеют свои особенные приемы воплощения, обусловленные раздельнооформленностью фразеологических образований.

Так, морфологическому изменению подвергается не единица в целом, но ее компонент (или компоненты). Сравните, а straw in the wind: straws in the wind “намеки, предупреждение”; a handle to one's name: handles to one's names «приложение к фамилии, титул, звание». При этом не только субстантивный, но и адъективный компонент может изменять свою форму: small beginnings – the smallest beginnings “низкое происхождение”; a clean sheet – a cleaner sheet “незапятнанная репутация, чистый послужной список”; plain sailing – the plainest sailing “легкий, простой путь, удачное продвижение вперед”; small fry – smaller fry “мелкие, незначительные люди, мелкая сошка”; a tough (или hard) nut to crack – toughest (или harder) nut to crack “трудный, крепкий орешек”; a short cut – the shortest cut “кратчайший путь, наименьшая затрата времени”.

Уже сам этот факт свидетельствует о том, что между субстантивными ФЕ и переменным словосочетанием в грамматическом плане существует неизмеримо большая общность, чем между ФЕ и именем существительным.

Последнее в системе языка характеризуется только ему присущей парадигмой, противопоставляемой другим парадигмам, в то время как в

составе ФЕ одновременно “существуют” парадигматические формы, принадлежащие различным частям речи.

Это обстоятельство, как нам представляется, в сочетании с особенностями семантики рассматриваемых образований не может не отражаться на ограниченности собственно структурных языковых связей ФЕ в отличие от связей, в которые могут вступать имена существительные в английском языке.

Следующий существенный для “морфологии” субстантивных ФЕ момент заключается в том, что изменения компонентов в составе ФЕ могут носить как узуальный, так и окказиональный характер. Как те, так и другие реализуются в пределах фразеологического тождества, т.е. не отражаются на фразеологических свойствах образования, не разрушают его денотативного значения.

К числу формоизменений узуального порядка относятся такие изменения парадигматической формы компонента (компонентов), которые обусловлены включением данной ФЕ в речь. Например, при актуализации в речи субстантивной ФЕ *the saving grace* “спасительная сила чего-либо” и тот, и другой компонент способны изменять свою парадигматическую форму.

Сравните:

1) *Her saving graces help you overlook her faults* [49].

2). *Sport which still keeps a flag of idealism flying is perhaps the most saving grace in the world at the moment, with its spirit of rules kept, and regard for adversary, whether the fight is going for or against* (CDHT, 303).

В первом примере форма множественного числа субстантивного компонента реализует присущее ей в языке значение отдельного множества. Во втором – превосходная форма адъективного компонента указывает на то, что “... качество свойственно предмету в ряду однозначных предметов в наивысшей степени, т.е. более чем всем остальным таким же предметам”. И поэтому и форма множественного числа, и превосходная степень в наших примерах отражают реальное положение вещей. Как в том, так и в другом

случае формоизменение компонентов не разрушает в целом устойчивости фразеологического образования и не ведет его десемантизации: превосходная степень и форма множественного числа компонентов реализует здесь свои грамматические значения и служат для выражения отношений и связей всего образования со словами включающих их предложений.

Совсем иного свойства формоизменение находит во ФЕ *sounding brass or a tinkling cymbal* “хвастун” при включении ее в речь.

Thus, with all the brasses sounding, the great Meckenian campaign began, like the coming of the circus in the springtime, with showers of epithets, attacks on democracy; the universal murrain of Christendom (CDBH, 345).

Кроме других изменений структурно-грамматического порядка, в данной ФЕ формоизменение субстантивного компонента приводит к буквализации его значения: “brasses” в нашем примере имеет значение «духовые инструменты, литавры», шумом которых сопровождалось начало всей кампании. Такое формоизменение носит не узуальный, а спорадический, окказиональный характер и используется с целью сообщения ФЕ дополнительной экспрессивности, создания определенной эмоциональной окраски, т. е. Имеет яркую выраженную стилистическую направленность.

Изучение узуальных и окказиональных изменений парадигматической формы компонентов ФЕ представляется исключительно важным, если принять во внимание, что с одной стороны, они являются результатом действия свойств, присущих фразеологической системе, а с другой – заложены и предопределяются самой системой данного языка.

Наконец, существуют и такие случаи, когда изменение парадигматической формы компонента субстантивных ФЕ не вызывается ни необходимостью включения их в речь, ни стилистическим обыгрыванием образа, лежащего в основе конкретной ФЕ.

Например: *one's upper storey* (или *storeys*) птугл. “ум, мозги”; *mice and man* (или *mouse and man*) “все живое”; *sealed order* (*orders*) мор. “запечатанный приказ”; *in the eye* (*eyes*) *of the law* “с точки зрения закона”; *on*

second thoughts (thought) “после тщательного обдумывания, размышлений”; Augean stable (или stables) “Авгиевы конюшни”; the power (или powers) of darkness “власть тьмы”; in deep water (или waters) “в трудном, безвыходном положении”; a Herculean labour (или labours) “геркулесов труд”; prunes and prism (или prisms) “жеманная манера говорить, жаманство”; the new (или newly) rich “нувориши, богачи, выскочки, нажившиеся на спекуляциях военного или послевоенного времени”; the better (или the best) part of “большая часть чего – либо”.

Следует также отметить, что вышерассмотренные аспекты интерпретации определительно-субстантивных конструкций имеют еще и выход в практику перевода.

Сравним такие англо-русские параллели:

He was in the highest spirits after you left (JLH, 123) – “Он был в прекрасном настроении (букв, высоком настроении), когда ты ушел”;

High words passed between us, we had a fearful quarrel (JLH, 139). “Гневные слова (букв, высокие слова) были высказаны друг другу, у нас была ужасная ссора”;

... And the sun of high summer dances (ASKD, 129). “И солнце в разгар лета (высокое лето) танцует”.

Во всех вышеприведенных случаях лексема high употребляется в значении “находящийся на пределе от условного среднего уровня”. При переводе на русский язык используются различные частичные эквиваленты.

Так, в лексико-грамматическом поле залоговое объединяются разнородные языковые элементы – морфологические, синтаксические, словообразовательные и лексические. Эти языковые единицы различны и по структурной организации, и по другим свойствам. Они обнаруживаются при рассмотрении микрополя пассива в вертикальной среде, по мере проникновения в глуб его. Элементы лексического и синтаксического уровней восполняют, дополняют, конкретизируют значение доминанты микрополя различных семантических групп [32, 97].

Подобные предложно-именные сочетания (ПИС) так же как, и грамматический пассив могут выполнять семантическую функцию пассивного участия субъекта в действии и являются синонимическим восполнением грамматической категории пассивного залога.

Установление структурно-качественных характеристик ПИС и характера их соотношения с пассивными формами коррелятивных глаголов имеет непосредственное отношение к таким проблемам, как отграничение свободных сочетаний от фразеологических единиц, синсемантия в синтаксисе и контекст, понятийные категории и языковые семантические функции как их непосредственное отражение, функционально-синонимическое восполнение грамматических категорий в системе глагола в лексико-грамматическом плане, глубинные и поверхностные структуры предложения и имплицитная предикативность, типология языков и языковые универсалии.

ПИС пассивного Значения занимают промежуточные положение между фразеологизмами и свободными сочетаниями предлога и имени существительного.

Сходство ПИС с фразеологизмами состоит лишь в том, что ПС характеризуется фразеологизированным характером отношений их компонентов- предлога и имени.

Лексическая и грамматическая семантика ПИС и определенная структурно-семантическая модель, по которой они образуются, исключают их из состава фразеологических единиц.

Как показал анализ конкретного языкового материала, первый компонент ПИС может быть представлен одним из предлогов с узואально-связанным значением, второй – отглагольным существительным определенной семантики.

Словарное описание значения (например, определительно-именных словосочетаний английского языка) лингвистических единиц в известной

степени приближается к компонентному анализу, так как позволяет выявить те элементарные значения, которые отличают данный язык.

При этом важно учитывать синтаксическую валентность предложно-именного сочетания (ПИС) пассивного значения. В качестве исходного используется принятое в лингвистике определение синтаксической валентности как потенциальной сочетаемости языковых элементов.

Анализ синтаксической валентности ПИС проводится на уровне предложения и его членов. Как известно, содержательная сторона сочетания выявляются его синтаксическими связями с другими элементами предложения. Употребление ПИС сводится к ограниченному числу случаев, которые представлены в виде дистрибутивных моделей.

При употреблении ПИС в функции предикатива наблюдается минимальное удаление между уровнями глубинных и поверхностных структур.

Максимальное удаление между уровнем глубинных структур и уровнем поверхностных структур наблюдается при употреблении ПИС в функциях второстепенных членов предложения вместо соответствующих придаточных предложений.

Общие интерпретации структурно-семантической организации определительно-именных конструкций. Среди количественных определительно-именных словосочетаний выделяются своей продуктивностью конструкции с предлогом "of". Они представляют собой устоявшуюся структуру, связанную с обобщенным значением количественности [33, 89].

Данная структура может быть представлена в виде модели определенных семантико-синтаксических отношений. Она имеет постоянное значение при переменном лексическом заполнении. При таком понимании модель – это не абстрактная схема, привнесенная извне, а структура, выделяемая в живой ткани языка.

Выделение моделей в различных областях языкознания и даже в поэтике и художественной литературе не противоречит природе языка, используемых в разных сферах общения. Оно не означает игнорирования коммуникативной природы языка, ибо если мы говорим о теоретико-множественной модели языка, то эта модель всегда будет для нас моделью человеческого общения, моделью коммуникативной. Такая модель называется “квантитативно-субстанциональной моделью”, значения которой включает компоненты количества и субстанции.

И наоборот, множество реальных языковых объектов и явлений дает возможность отобразить и заместить их в виде определенной формальной схемы.

В этой связи отличается такая особенность взаимодействия абстрактного и конкретного: Закономерная связь постоянных элементов предложения – это его модель. Модель предложения есть остаток после вычета из предложения его переменных или индивидуальных элементов.

Эта зависимость не носит произвольного характера. Модель определенным образом соответствует языковому объекту. Другое дело, что одному и тому же объекту может соответствовать несколько моделей, так как каждая из них может передавать определенную точку зрения исследователя, определенный подход.

В словосочетании исследуемого типа обнаруживается сложное переплетение и взаимодействие морфосинтаксических и лексико-фразеологических факторов. В нем отчетливо выступают две стороны характеризующие словосочетание как синтаксическое построение. В плане грамматическом, т.е. морфосинтаксическом, при построении словосочетания учитываются правила сочетания слов данных классов и порядок расположения компонентов N1N N2 объединенных предложной связью. В плане лексико-фразеологическом учитывается специфическая валентность данного класса слов.

Вопрос о соотношении морфосинтаксической и лексико-фразеологической сочетаемости тесно связан с вопросом обязательности и факультативности в синтаксическом построении [12, 176].

Исключительно плодотворным оказалось решение ряда важных вопросов структуры словосочетания и предложения в связи с разработкой проблемы синтаксического окружения в аспекте его конструктивной значимости [8, 43].

Обязательная сочетаемость рассматривается в работе как лексико-грамматическое свойство слова. Грамматический характер проявляется в типе синтаксических отношений и в регулярном характере встречаемости компонентов на уровне классов слов, а лексический – в лексической заполняемости модели субстантивного словосочетания.

Анализ дистрибутивных свойств конститuentов исследуемой конструкции дал основание выделить в составе так называемых синтаксически свободных сочетаний две разновидности: словосочетания с обязательно-дистрибутивной связью компонентов и словосочетания с факультативной связью компонентов [9, 40].

При факультативной сочетаемости употребление зависимого также детерминируется семантикой существительного, но потенциальная сочетаемость последнего характеризуется не обязательной реализацией, а только возможной.

Словосочетания с обязательно-дистрибутивными отношениями компонентов представляют собой тесно спаянные структурно-грамматические и лексико-семантические единства.

Если у ФЕ частично подменяемыми компонентами имеется одинаковое число значений, но они не полностью совпадают, отличаясь оттенком, образностью, стилистической направленностью, то образуются структурные синонимы. При несовпадении числа значений при частично различном лексическом составе, при различной образной основе даже при наличии общего значения, говорить о фразеологической вариантности или о

структурной синонимии не представляется возможным. Подобные обороты следует рассматривать как самостоятельные ФЕ. Фразеологические синонимы возникли независимо друг от друга.

Комплексный подход к изучению сложных и многомерных объектов, какими являются ФЕ любого языка, не только не противоречит анализу отдельных их сторон, но предполагает его в целях дальнейшего определения закономерностей синтеза свойств ФЕ для более углубленного познания их сущности. В этой связи изучение структурно-грамматических свойств фразеологических образований является одним из возможных, но отнюдь не единственным аспектом рассмотрения проблемы ФЕ.

Полностью отдавая себе отчет в том, что грамматический аспект не является ни главным, ни специфическим для фразеологии, мы считаем в то же время, что изучение ФЕ в этом аспекте должно способствовать определению объекта фразеологии как лингвистической дисциплины.

Расчлененность структуры субстантивных ФЕ и регулируемая общим значением образования возможность/невозможность изменения форм, составляющих их компонентов, свидетельствует о том, что мы имеем дело с единицами, не обладающим, в отличие от слов, системой словоизменятельных форм, т.е. парадигмой в собственном смысле. Это обстоятельство не препятствует, однако, тому, что субстантивные ФЕ выступают в качестве особого “раздельнооформленного” средства выражения грамматического значения предметности наряду со словами – именами существительными.

Наличие общего грамматического значения предметности является лишь одним из признаков выделения в языке классов слов. Другим важным признаком слова как части речи является наличие грамматических (морфологических) категорий, существующих в парадигме [5, 112]. Такими категориями, характеризующими в современном английском языке имена существительные как класс, являются категории числа категория падежа. В этой связи небезынтересно посмотреть, в каком отношении к данным

категориям находятся субстантивные ФЕ, обладающие, как и имена существительные, общим грамматическим значением предметности, но не являющимся в отличие от них собственно морфологическими структурами.

Выводы по главе III

Обособление и парцелляция, безусловно, явления сходные. Парцелляцию компонентов словосочетания можно рассматривать как крайнюю степень проявления обособления. Как и обособление, парцелляция компонентов словосочетания играет роль экспрессивную, эмфатическую. При этом обособление и парцелляция – как параллельные приемы экспрессии – являются коммуникативно-стилистическими вариантами на уровне высказывания, различающимися степенью выражения этой экспрессии и различными интонационно-пунктуационными выделениями.

С точки зрения актуального членения предложения, обособление и парцелляция вызывают перераспределение основной коммуникативной нагрузки, создавая дополнительный центр сообщения.

Степень экспрессивности речевых видоизменений в структуре словосочетаний модели различной степени сложности возрастает, если они употребляются комплексно. Например, часто парцелляция выступает в сочетании с повторением либо зависимого компонента, либо предлога: Science destroying the law of the Panjandrum. The fall into Manhood, into responsibility, into sin.

Компонентам предложного субстантивного словосочетания свойственно обособляться не только в пределах одного высказывания, но и выходить за пределы данного высказывания. Это явление известно под названием парцелляции, под которой понимается реализация единой формальной структурной синтаксической единицы языка – предложения – не в одной, а в нескольких коммуникативных единицах речи.

Согласно другому определению, парцелляция – это “такой прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки”.

Структурная целостность словосочетания может нарушаться в результате действия такого явления как обособление. Если исходить из

модели читающего, то критерием обособления служат пунктуационные показатели и интонационное оформление, если исходить из модели говорящего (слушающего).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать общий вывод о том, что разные ономаσιологические модели формирования определительно-именных словосочетаний порождают разные по онтологической природе словосочетания.

Словосочетания каждой ономаσιологической модели обладают особым набором семантических признаков.

В качестве ведущего компликативизирующего фактора в словосочетаниях разных ономаσιологических моделей выступают разные семантические признаки в словосочетаниях модели.

В релевантной для формирования значения словосочетания является осложненность на уровне как денотативного, так и коннотативного аспектов семантики словосочетания; в словосочетаниях модели С – осложненность на уровне денотативного аспекта значения.

Результаты проведенного исследования указывают на возможность использования фразеобразовательного моделирования при изучении семантики словосочетаний других структурных типов.

В дальнейшем представляется возможным провести сопоставление ономаσιологических моделей словосочетаний разных языков и выявить общие языковые закономерности формирования словосочетаний, а так же специфику номинативных механизмов отдельных языков.

Представляется также перспективным провести дальнейшее исследование функциональных особенностей словосочетаний разных ономаσιологических моделей в их конкретной контекстной реализации и провести описание текстоформирующих потенций словосочетаний разных типов.

В связи с широким употреблением именных определительных словосочетаний и различным грамматическим оформлением адьюнкта в современном английском языке, анализ разновидностей субстантивных словосочетаний представляет несомненный теоретический и практический

интерес, так как в их построении проявляется своеобразие грамматического строя современного английского языка, обусловленное специфическими внутренними законами его развития. Задачей данной работы является выявление в пределах исследуемого материала употребления разновидностей субстантивного словосочетания.

Выявление модели определительно-субстантивных словосочетаний набиралось путем сплошной выписки примеров из произведений современных англоязычных писателей, пьес авторов 20 века, лингвистических и технических текстов, публицистических статей. Всего охвачено сплошной выпиской примеров 2000 страниц текстов.

Для сопоставления частности употребления различных морфологических типов определительно-субстантивных словосочетаний делался подсчет встречаемости каждого типа словосочетания на одну страницу текста, тем самым создавалась возможность выявления относительной частности. Каждая страница текста насчитывает 1600 знаков, что соответствует, в среднем, 400 словам. Количество страниц исследуемого текста определялось по количеству знаков в тексте, делённому на 1600 знаков, а не по страницам издания книги. В пьесах для проведения сплошной выписки бралась речь действующих лиц. Ремарки, пояснения выпускались.

Ядро определительно-именного словосочетания может заполняться лексическими единицами, принадлежащими к категории имен существительных.

Позиция адьюнкта словосочетания может заполняться лексическими единицами, принадлежащим к различным категориям групп слов: имени прилагательному, глаголу в форме инфинитива, герундия, причастия, имени существительному, наречию.

Для выражения связи между ядром и адьюнктом английский язык использует следующие языковые средства: порядок слов, контактность, предлоги.

Синтаксическим содержанием рассматриваемых адьюктивно-субстантивных словосочетаний являются определительные отношения, независимо от слова, употребляемого в роли адьюнкта.

Выражая главный компонент словосочетания через N, а адьюнкт через A, мы можем представить модель исследуемого словосочетания следующим образом: AN.

Русское прилагательное “узкий” и английское narrow образуют вторичное количественное значение “объединяющий, охватывающий немногих, немногое” (узкий круг друзей – narrow circle of friends, узкий диапазон деятельности – narrow range of activity), которое служит основой для ряда производных, связанных с собственно количественным значением метонимической зависимостью.

Логические ассоциации, лежащие в основе образования метонимических производных семем не совпадают у носителей русского и английского языков.

В русском языке зафиксирована семема “ограниченный, односторонний, касающийся чего-либо одного”: узкий профессионал, узкий специалист, узкое значение и т.п.

Образование метонимически производного значения основана, по-видимому, на следующей психологической ассоциации: в силу того, что явление охватывает немногое, немногих, оно не может быть полным, всесторонним – “ограниченный, односторонний, касающийся чего-либо одного”.

В английском языке зафиксирована другая семема, производная от собственно количественного по формуле метонимического переноса. При сочетании с абстрактными существительными search (поиск), examination (осмотр), investigation (исследование) реализуется значение “подробный, тщательный, точный”.

Механизм образования данной английской семемы может быть передан следующей трансформацией: narrow investigation – (букв, узкое исследование) – исследование в узкой области – тщательное исследование.

Оценочные значения отмечаются в русском и английском языках при сочетании с абстрактными, реже конкретными существительными, называющими человека, произведения его умственной деятельности:

Глубокие знания – deep knowledge, Глубокое понимание – deep understanding, Мелкая ложь – shallow lie, Мелкая жизнь – shallow life, Высокие идеалы – high ideals, Высокое происхождение – high birth, Низкие цели – low aims, Низкий пост – low post.

Существенное своеобразие образуют английские лексемы wide, broad (широкий), которые при сочетании с конкретными существительными, называющими человека, абстрактными существительными, называющими некоторые конструкты (construct = конструкции), приобретают значение “выходящий за пределы условной нормы, не соответствующий норме, аморальный, непристойный”.

Сравним:

These blouses were all the fashion in France during the war and wide boys sold parachutes to get the silk to make them with;

Well, she was tipsy, but very wide (Short Oxford Dictionary);

He had a broad humour typical of Yorkshire.

Подобные примеры показывают своеобразие культурно-национальных форм отражения объективной реальности, разные потенциальные возможности образования переносных значений, что с необходимостью должно учитываться в практике преподавания иностранных языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И.А. Доклад Президента Ислама Каримова на торжественном собрании, посвященном 17-летию Конституции Республики Узбекистан. «Народное слово», 8 декабря 2009 года. – № 238. – С. 3.
2. Абдуазизов А.А. Тилшуносликка кириш. II-қисм. – Лексикология ва семасиология. Грамматика. – Тошкент: 1999. – 57 б.
3. Абдуазизов А.А. и др. Общее языкознание. – Ташкент: НУУз, 2003. – 162 с.
4. Абдуазизов А.А. О составных частях когнитивной лингвистики // Хорижий филология. – Самарканд: СамГИИЯ, 2007. – №3(24). – С. 5-6.
5. Адмони В.Г. Завершённость конструкции как явление синтаксической формы. – Вопр. языкознания, 1958, № 1 – С. 111-117.
6. Арутюнова Н.Д. Предложения и его смысл. Автореф. дисс. докт. филол. наук. Москва: 1975. – 36 с.
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Совет. энциклопедия, 1969. – 608 с.
8. Ашурова Д.У. Взаимодействие когнитивной лингвистики, стилистики и интерпретации текста // Филология масалалари. – Ташкент: УЗГУМЯ, 2003. – №8 – С. 42-44.
9. Ашурова Д.У. Перспективы научных исследований в свете новых направлений лингвистики // Филология масалалари. – Т.: УЗГУМЯ, 2004. – №4. – С. 37- 40.
10. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. – 3-е изд. Москва: Высш. школа, 1965. – 428 с.
11. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 239 с.
12. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. – Санкт-Петербург, Издательство: ЛКИ, 2008. – 200 с.
13. Блох М.Я. О различении так называемых глубинной и поверхностной структур предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных

индоевропейских языков. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1975. – С. 16-18.

14. Болдырева М.М. Сочетания to be + причастия 2 со значением результативного состояния в современном английском языке. // Учен. зап.

Моск. пед. ин-т иностр. яз., Москва, т.59, 1971. – С. 35-44.

15. Бушуй А.М. – Фразеосистема и словарь // Проблемы лингвистики на рубеже веков. – Караганда 2001 – С. 37-41.

16. Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. – М.: Наука, 1989. – 312 с.

17. Василевский А.А. Полисемия и омонимия конструкции с субстантивным сказуемым в современном английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол.

наук, Москва, 1962. – 26 с.

18. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

19. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Русские словари, 1999. – 776 с.

20. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1985. – 460 с.

21. Гальперин И.Р. К проблеме дифференциации стилей речи // Проблемы современной филологии, Москва: Наука, 1965. – С. 70-84.

22. Гулыга Е.В. О семантике предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Ленинград, 1975. – С. 16 -22.

23. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц

языка // Принципы и методы семантических исследований. – Москва: Наука, 1976. – С. 291-314.

24. Денисов Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. – М.: Азбуковник, 2003. – 297 с.
25. Денисова И.В. О видах инверсии // Учён. зап. ЛГПИ., 1969, т. 261.– С. 48-55.
26. Звегинцев В.А. Проблема значения в современном зарубежном языкознании. – В кн.: Новое в лингвистике, вып.2. Москва, 1962. – С. 9-16.
27. Ильина И.Г. Субстантивные конструкции типа Cell Membrane в английском языке/Автореф. дисс. ... канд. филол.наук, Ленинград, 1985.–20 с.
28. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.; Л.: Наука, 1965. – 111 с.
29. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
30. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц: Тез. докл. VI Международной конференции. – М., 1998. – Т.1 – С. 47-49.
31. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст, структура и семантика. – М., 2001. – Т.1 – С. 72-81.
32. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. – Киев: Вища школа, 1971. – 193 с.
33. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – Лит. на иностр. яз., Москва, 1957. – 284 с.
34. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – Лит. на иностр. яз., Москва, 1959. – 440 с.
35. Уфимцева А.А. Семантический аспект языковых знаков // Принципы и методы семантических исследований. – Москва: Наука, 1976. – С. 31-46.
36. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Санкт-Петербург, Издательство: ЛКИ, 2007. – 620 с.
37. Шевякова В.Е. Современный английский язык. Москва, Наука, 1980. – 381 с.

38. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I, 1-е изд. – Ленинград, Изд-во Ленинград. ун-та, 1958. – 182 с.
39. Birk N.P., Birk G.B. Understanding and using English. N.Y., 1999. – 280 p.
40. Bodelsen C.A. English studies. Bloomington, 1966. –261 p.
41. Bowman E. The Minor and Fragmentary Sentences of a Corpus of Spoken English. Bloomington, 1966. – 186 p.
42. Chafe W.L. Meaning and the Structure of Language. – Chicago: Chicago University Press, 1970. – 127 p.
43. Charleston B.M. Studies on the emotional and affective means of expression in Modern English. – Bern: Francke, 1960. – 357 p.
44. Dokulil M. L'Ecole de Prague d'aujourd'hui, Prague, 1964. – 286 p.
45. Khaimovich B.S., Rogovskaya B.I. A Course in Modern English Grammar. – Moscow, Vyssaya Shkola, 1967. – 298 p.
46. Leech N. Meaning and the English Verb. Longman. – London, 2004. – 141 p.
47. Poutsma H.A. A Grammar of Late Modern English. P II. The Sentences. Half I. The Elements of the Sentences. Groningen. 2008. – 524 p.
48. Sweet H. A new English Grammar. Logical and Historical. P I. Oxford: Clarendon Press, 2007. – 510 p.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИНТЕРНЕТА

49. Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка // <http://bookz.ru/authors/raevskaa-natalia.html>.
50. Винокурова Л.П. Грамматика английского языка // www.lingvo.ru.
51. Joyce James. Dubliners [Электронный ресурс] // Библиотека зарубежной литературы // www.booksbooksbooks.ru.
52. Steinbeck J. Pearl (Джон Стэйнбэк. Жемчужина. Перевод Н. Волжиной) [Электронный ресурс] // Библиотека зарубежной литературы // <http://www.booksbooksbooks.ru>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

ASKD – Allan Sillitoe. Key to the Door. – Moscow, Progress Publishers, 1969. – 470 p. CDBH – Charles Dickens. Bleak House. – Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1957. – 932 p. CDHT – Charles Dickens. Hard Times. – Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1952. – 336 p. EBWH – Emily Bronte. Wuthering Heights. – Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1963. – 367 p. EHFA – Ernest Hemingway. A Farewell to Arms. Charles Scribner's sons, New York, 1957. – 332 p. JLIH – Jack London. The Iron Heel. – Moscow, Foreign Lang. Publ. House, 1948. – 237 p. JSGW – John Steinbeck. The Grapes of Wrath. – Moscow, Progress, 1978. – 530 p. JSWOD – John Steinbeck. The Winter of Our Discontent. – Москва: Высш. шк. 1985. – 271 с.

PAP – Priestley J. Angel Pavement. – Moscow, Progress, 1974. – 504 p.
TDTF – Theodore Dreiser. The Financier. – Moscow, Foreign Lang. Publ. House, 1954. – 566 p.

TDT – Theodore Dreiser. The Titan. – Moscow, Foreign Lang. Publ. House, 1957. – 604 p. TDJG – Theodore Dreiser. Jennie Gerhardt. – Moscow, Progress Publishers, 1972. – 358 p. WSRW – William Saroyan. Rock Wagram. – London, A Mayflower Paperback, 1961. – 224 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.

2. A Concise Dictionary of English Idioms / W. Freeman. – London, Sydney, Auckland, Toronto: Hodder and Straughton, 1985. – 215 p.

3. A Supplement to the Oxford English Dictionary. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – Vol. 1. – A-G. – 470 p.

3. Longman Dictionary of Contemporary English. – London Longman, 1978. – 1303 p.

4. Longman Dictionary of English Idioms. – London Longman, 1979. – 387 p.
5. Longman Dictionary of English Idioms. – London Longman, 1980. –390 p.
7. Longman Dictionary of Phrasal Verbs. – London Longman, 1986. –734 p.
8. Longman Dictionary of English language and Culture. – England, 1992. – 1519 p.
7. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English, vol. 2 / Coowie A.P., Mackin R., Mc Caig I.R. – Oxford: Oxford University Press, 1984. – 685 p.
8. The Concise Oxford Dictionary. – Oxford at the Clarendon Press, 1978. – 1368 p.
9. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – Oxford: Clarendom Press, 1983. – 749 p.
10. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms/ Jchicawa S., Mine J., Rihara K., Jakah S., Tokyo Kenkyusha, 1969. – 849 p.
11. Webster's New World Dictionary. – New York, 1981. – 1120 p.